

– А это кто? – спросил Ульрик.
– Адепты Ордена грэмов.
– Кто?
– Грэмы.
– Кто?
– Ну, они верят, что все зло в этом мире от ошибок в правописании.
– Неужели?
– Именно так, сэр. Они считают, если убивать всякого за то, что он не в том месте ставит ударение, мир сделается намного цивилизованнее.
– Да это же... а, ладно. Так куда, говоришь, тыкать пальцем?

Ян Леншин

ТУРНИР САМОУБИЙЦ

Ян Леншин
Турнир самоубийц

«Снежный Ком»

2017

Леншин Я.

Турнир самоубийц / Я. Леншин — «Снежный Ком», 2017

ISBN 978-5-904919-93-1

Что делать, если вы профессиональный неудачник и волею судеб оказались в Блэткоче? Городе, в котором отмечают Котовство, где выражение «Ну ты и тролль!» и похвала, и самое страшное оскорбление, а единственная достопримечательность – Блуждающая Башня – целыми днями прячется от туристов почему зря? Городе, в котором не существует законов, а есть только правила, и о первых двух не стоит даже заговаривать? Разумеется, принять участие в Турнире Самоубийц! Ведь иногда, чтобы не потерять ненавистную работу, нужно очень сильно постараться.

ISBN 978-5-904919-93-1

© Леншин Я., 2017
© Снежный Ком, 2017

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой упоминаются лотоматоны	5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Столица Метеоритов	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой речь пойдет о троллях	35
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Не корми тролля	50
ГЛАВА ПЯТАЯ. Блуждающая Башня	61
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Котовство	74
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Дом, милый дом	98
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Карась и щука	118
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, в которой N рассказывает одну поучительную историю	150
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Последние хлопоты	165
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, в которой вопреки традициям отсутствует главный герой	175
Глоссарий	177

Ян Леншин

Турнир самоубийц

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой упоминаются лотоматоны

Ульрик стоял на эшафоте, пытаясь медитировать. В кошмарах ему часто виделось, как недолгая карьера в фирме «Брайан и Компания» заканчивается казнью. Снилось, правда, иначе, больше на старинный манер: городская площадь, ликующая толпа, палач интересуется последним желанием... Ульрику рот заткнули кляпом, виселицу сколотили на ромашковом поле, а роль зрителей играл безголовый костюм. Он то и дело вытаскивал из кармана часы на цепочке, нетерпеливо шелкая крышкой.

Лицо палача хоть и закрывала маска, но она ничуть не была похожа на красный колпак из ночных кошмаров. Перед Ульриком маячило белое лицо с застывшей улыбкой и глазами-щелками. Кожаный фартук был надет поверх серого делового костюма.

На краю поля, у самого леса, темнели надгробия.

Слышался надрывный писк.

Отвратительное место. А городишко, что виднелся вдаль, судя по рассказам чудом выживших туристов, – еще хуже. Ульрик не ошибся, когда прибыл сюда утром.

Человек-маска выбил из-под ног деревянную лесенку на три ступени, шею пронзила боль. Писк стал нестерпимо громким. Ульрик болтался в петле, словно мертвец. Это он умел отлично.

В небе показалась яркая точка. Она стремительно росла, приближаясь к земле. Говорят, перед смертью вся жизнь проносится перед глазами.

Это правда.

* * *

Очередь тянулась вверх по улице и обрывалась у разноцветного шатра, украшенного лентами и воздушными шариками. Сегодня с их двора тест проходят еще трое: близняшки Барбол и сын мясника Эрик, вот он плачет, утирая слезы кулаком. У Эрика и близнецов невероятно особенный день. Только они этого, кажется, совсем не понимают.

Сестрички Вим и Вик Барбол стояли рука об руку. У каждой по воздушному шару: у Вик красный, у Вим – синий. Или наоборот: у Вим красный, а у Вик – синий. Эрик плачет – ему не купили шарик, а когда он попытался отобрать игрушку, то получил от Вик вместо шарика в лоб. Или от Вим?

Никто пока не знает, кем ему суждено быть, но только не Ульрик. Его профессия – бухгалтер. Как у папы. Ульрик взглянул на правую ладонь: буквы языка Древних выведены старательно, хоть и кривовато. Ну сколько еще ждать!

Первым из их компании к лотоматону отправился Эрик. Когда он появился минут пять спустя, то больше не плакал, а лишь хлюпал носом и как замороженный разглядывал ладонь.

– Ну, что у вас? – нетерпеливо спросила Ульрикова мама. Эриков папа растерянно поморгал, шурясь на блеклое солнце, потом ответил:

– «СПОРТСМЕН». А я так рассчитывал на юриста. Впрочем...

К лотоматону пошли Вим и Вик, по-прежнему держась за руки. Следом семенили Барболы старшие, Глория и Льюис. Когда они вернулись, Вим плакала: лотоматон подарил Вик две печати «ЖУРНАЛИСТ» и «ВРАЧ», а у нее всего одна – «УЧИТЕЛЬ». Или это плачет Вик?

...В разноцветных секторах для понятливости закреплены фотографии хирургов, клерков, спортсменов, поваров, артистов, механиков, электриков, водителей, ученых...

...Он потянул рычаг, на секунду закрыл глаза...

...На правой ладони Ульрика проступили золотые буквы, они складывались в название профессии...

Это было что-то незнакомое, не похожее на «*БУХГАЛТЕР*». Совсем не похожее!

Переводчица поправила очки и зашуршала страницами словарей, поглядывая на Ульрикову ладонь. Скоро она нашла нужное слово, уперла в него ярко-красный ноготь и нахмурилась.

– «*НЕУДАЧНИК*», – после паузы сказала она.

Неудачник.

Неудачник?

Неудачник?!

...Вечер. Проклятая печать горит так, что с улицы, наверное, видно. Во двор теперь лучше не выходить вовсе. Ульрик потихоньку стащил отцовскую опасную бритву и закрылся у себя в комнате. Прижал лезвие к ладони. Выдох. Движение бритвой. Судорожный вдох. Руку будто сунули в кипяток. На пол закапало красное.

... – Тебя не было на выпускном.

Светловолосая девушка догнала его на улице и теперь шла рядом.

– Привет, Вим, – поздоровался Ульрик.

– Я Вик.

– У Вик глаза светлее и маленький шрам над ключицей.

– Только ты замечаешь, что мы разные.

– Не только.

– Все не можешь смириться? – Вим коснулась исполосованной шрамами ладони, и Ульрик отдернул руку.

Близняшка Барбол, что получила прохладным майским утром на пухлую ладонь печать «*УЧИТЕЛЬ*». Это все же была Вим.

Ее сестра еще не решила, кем больше хочет стать – врачом или журналистом, и пока совмещала одно с другим: писала некрологи в местную газету.

– Послушай, – быстро сказала Вим, – думаю, все не так плохо, ведь говорят же...

– Я поступил.

– Что?

– Меня взяли. Сегодня узнал результаты экзаменов и...

– Не может быть! – Вим бросилась Ульрику на шею и заключила в объятия. – Как я за тебя рада!..

...Ульрик часто встречал старика у булочной на Оловянной – тот кланчил мелочь у покупателей. Дети кидали в него камни и со смехом убегали, когда старик начинал кричать. Хозяин булочной не раз и не два вызывал полисмена, но старик всегда возвращался. Видели его и у других магазинов, грязного, обросшего, с безумным взглядом. Ульрику было жаль старика. Проходя мимо, он иногда опускал в протянутую ладонь монету, чтобы услышать вслед неразборчивое бормотание, которое больше походило на проклятие, чем на благодарность.

Никто не знал ни имени старика, ни почему тот оказался на улице. А потом он вдруг исчез, так же внезапно, как появился. Теперь, когда Ульрик проходил мимо булочной и глядел на свое отражение в витрине, он вспоминал старика и гадал: какая печать была у него?

... – Должно же быть хоть что-то?

Он стоял у стеклянной перегородки. За ней – дама средних лет с крупной бородавкой на щеке, словно жаба в террариуме, не мигая смотрела на Ульрика поверх очков. Ногти с ядовито-зеленым маникюром барабанили по столешнице. Позади Ульрика маялись от духоты

восемь или десять человек. Многие сняли шляпы и обмахивались ими, как веерами. Какой-то работяга минут пять назад вытащил было папиросу, но в очереди на него так зашикали, что возмутитель спокойствия тотчас примирительно поднял руки и убрал портсигар обратно в карман. Потом картинно вздохнул и зачем-то весело подмигнул Ульрику.

– Извините, ничем не могу помочь, – женщина в шерстяной вязаной кофте как будто не замечала жары.

Ульрику было тесно в прилипших к коже перчатках, тугой воротник рубашки немилосердно сдавил шею. Казалось, голова вот-вот взорвется.

– Тогда отправьте меня на курсы профподготовки.

– Я предлагала вам устроиться в фирму «Брайан и Компания». Могу дать их адрес.

– Это исключено! – вспыхнул Ульрик.

– В таком случае, мне нечего вам предложить.

– Я окончил два курса медицинского и вполне мог бы...

– Следующий.

– Послушайте...

Мимо протиснулся мужчина в красной жилетке и оттер Ульрика от окошка. Мелькнула мысль, что денег хватит только на билет домой. Если удастся убедить кондуктора, что ему еще нет четырнадцати.

Позади кто-то спросил:

– Эй, паренек, ищешь, чем бы заняться?

Его окликнул тот самый любитель подмигивать незнакомцам. В клетчатой кепке песочного цвета и коричневом пиджаке с заплатками на локтях, он напомнил Ульрику одного ярмарочного зазывалу. В углу тонкогубого рта торчала так и незажженная папироса.

– Старику Голладжеру всегда нужны временные работники на фабрике. Платит он мало, зато нос не воротит.

– Как его найти?

Дама за стеклом чуть подалась вперед, будто пытаясь подслушать, о чем они говорят. Странно, и какое ей дело?..

– ...Сдашь экзамен и считай, что ты принят.

– Экзамен? – переспросил Ульрик.

Голладжер указал на мешок, что лежал посреди кабинета.

– Подними-ка его, сынок.

...Когда Ульрик вошел, старик возился с сейфом в углу. Вот он с грохотом захлопнул железную дверцу с кодовым замком и обернулся. Темные, будто два холодных уголька, глаза смотрели ясно и пылливо, в них читались ум и проницательность. Голладжер походил на уродливого птенца, напялившего дорогой костюм, а когда он говорил, казалось, кто-то с силой тер друг о друга два спичечных коробка.

Помещение, в котором очутился Ульрик, было скорее кладовкой, чем кабинетом. Вдоль стен громоздились ящики, свертки, стол был завален обрывками шпагата, кнопками, скрепками, какими-то документами в жирных пятнах. Вкусно пахло кофе.

Первым делом Голладжер поинтересовался, кто дал Ульрику адрес, и лишь затем приступил к «собеседованию».

– Помню такого, – проскрипел старик, услышав имя. – Я уволил его на прошлой неделе. Первостатейный вор! Да-с. Украл у меня ящик сардин. В наше время никому нельзя доверять, кругом одни воры и мошенники!

Поцокав языком, Голладжер исподлобья уставился на Ульрика.

– Я никогда не брал чужого, сэр, – сказал тот, чтобы заглушить бурчание в животе – от запаха кофе разыгрался нешуточный аппетит.

Старик еще раз глянул на Ульрика, сморщил нос, обнажив мелкие зубы, и указал на мешок:

– Сдашь экзамен и считай, что ты принят.

Ульрик взвалил мешок на плечо.

– Платить буду сто пятьдесят... нет, сто лэков в неделю, – Голладжер ткнул Ульрика тростью в бок. – Можешь забирать деньги каждую пятницу или приходи раз в месяц, как хочешь. Надумаешь что-нибудь стащить – пеняй на себя!

– Спасибо, сэр.

– Многие жалуются, что мои смены на два часа длиннее, чем у других, но это вздор – молодым полезно размять кости.

– Да, сэр.

– В твоём возрасте я работал по шестнадцать часов в день, а получал в два раза меньше.

– Как скажете, сэр.

– Нынешнее поколение никуда не годится – одни сопляки и нытики.

Голладжер пожевал губами и заковылял обратно к столу.

– Отправляйся к начальнику смены, он скажет, что делать, – бросил старик, не оборачиваясь. – И не забудь положить мешок на место.

...В дверь постучали. Открыв, Ульрик увидел на пороге высокую светловолосую девушку с улыбкой до ушей. Вим.

В городе третью неделю стояла невыносимая жара. В комнате под самой крышей ветхого трехэтажного дома, единственного прибежища Ульрика, было душно, как в бане. Солнце зло светило в окна. Мир снаружи застыл в дрожащем мареве. Высоченные клены стояли, будто стеклянные – ни один порыв ветра не касался их иссушенной, пыльной листвы. Духота сводила Ульрика с ума. Зато зимой в комнатке был лютый холод, а в дождь Ульрик ставил на пол всю посуду, какая была в доме, – с крыши текло, как из решета.

– Почему ты не написал, что переехал? Я едва тебя нашла!

– Рад встрече, Вим.

Ульрик заставил себя улыбнуться. Он прикрыл дверь, чтобы девушка не увидела старый матрас на полу, что служил ему постелью, и колченогий стол – единственную мебель. У стен расположились стопки книг, а с потолка свисал, будто чудаковатая люстра, боксерский мешок.

– Как ты? Тысячу лет тебя не видела! Ты здорово загорел, тебе идет.

– В последнее время я много бываю на свежем воздухе.

Вим коротко подстриглась, следуя моде. На ней было черное платье, на шее нитка крупного жемчуга, но в остальном казалась совершенно прежней – веселой, беззаботной, с шальным блеском в глазах.

– Экзамены меня чуть не прикончили! А ты все сдал?

– С экзаменами проблем не было, – честно ответил Ульрик. Нет экзаменов – нет проблем.

– Я так по тебе соскучилась! Сегодня вечер встречи выпускников, ты придешь?

– Разумеется, – Ульрик почувствовал, что краснеет.

– Приходи, обязательно приходи! Не то я страшно рассержусь! А как...

...Ветер швырнул в лицо пригоршню пыли. Ульрик поморгал, удобнее перехватил ящик и направился к пасти склада, что темнела впереди. Громадина фабрики расположилась на отшибе. Сложенная из красного кирпича, с трубами, что дымили дни напролет, с тусклым солнцем в слепых окошках, с гудками и шумом, который не смолкал до поздней ночи, когда цеха один за другим погружались во тьму и только высоко вверху, в кабинете Голладжера, продолжал гореть свет, она чутко прислушивалась к каждому вздоху, к каждому удару сердца, всякого, кто имел несчастье переступить порог и оказаться в ее серых унылых недрах. Древняя и незыблемая, она напоминала храм. Под крышей фабрики гнездилась стая ворон, иногда было слышно их сварливое карканье.

Холод обжигал. Ветер свободно врывался через поднятую железную дверь, наметал на бетонный пол сухие листья. Ульрик поставил ящик и с трудом выпрямился. Из тени вынырнула трость, следом появились носы старомодных туфель, показался воротничок рубашки, высокий лоб с залысинами, острый подбородок, и вот черные, как давно остывшие угли, глаза жадно впились в Ульрика.

– Доброе утро, мистер Голла...

– Ты уволен.

Где-то на улице залаяла собака. Лай перешел в скулеж, и все смолкло.

– За расчетом можешь не приходить – я спишу его в счет долга.

– Долга?

– Ты украл у меня, – старик помедлил, – банку краски. Так что можешь убираться.

– Вздор.

– Все вы так говорите. Ни у кого еще не хватило духу признаться. Да-с.

Голладжер отвернулся.

– Это из-за печати? Вы узнали, что я неудачник?

– Вовсе нет.

По голосу было ясно, что старик врет.

– Согласно закону вам запрещено отказывать в приеме на работу по признаку расы, пола, национальности, языка...

– Убирайся, или я вызову полицию, – беззлобно бросил Голладжер.

– Вызывайте, и я с удовольствием расскажу им, кто на самом деле учинил пожар на складе в прошлом месяце. Сколько вы получили по страховке?

Трость перестала стучать по бетону. Голладжер замер, надежно укрытый тьмой. Терпеливый паук, который почуял, как дернулась нить, и ждущий нового рывка – что попало в сети: добыча или ветер бросил сухой листок?

Ульрик молчал.

– Чего ты хочешь? – спросил старик.

– Работать здесь дальше.

– Неужели? – проскрипел Голладжер. – А почему на каторгу не попросишься?

– Мое дело.

– Я дам рекомендацию. С ней тебя возьмут куда угодно.

– Мне нравится здесь.

Голладжер пробормотал что-то о «первостатейных жуликах», и стук трости возобновился, отлетая от стен гулким эхом.

...Старик лежал в пятне света, издали похожий на грудку тряпья. Ульрик тотчас узнал его – тот самый, что околачивался возле булочной. Голова запрокинута, рот оскален, глаза широко открыты и слепо таращатся в черное беззвездное небо. Левая рука свесилась с тротуара, будто с края кровати, грязные пальцы утонули в луже.

– Вы меня слышите? Вам плохо?

Ульрик склонился над стариком и, не обращая внимания на вонь, попытался привести в чувство. Старик моргнул. Не успел Ульрик удивиться, как пальцы вынырнули из лужи, в них сверкнула опасная бритва.

– Я прекрасно тебя слышу, сынок, а ты меня?

– Э-э-э, – только и ответил Ульрик, почувствовав, как лезвие уперлось в горло.

– Отлично. Раз мы так хорошо ладим, может, отдашь бумажник? Думай об этом, как о пожертвовании всем нищим сразу.

Ульрик деревянными пальцами полез в карман.

– Вот и славно, вот и славно, – бормотал старик. – Всегда приятно иметь дело с благоразумным джентльменом.

Прежде чем Ульрик понял, что произошло, старик пожал ему руку, будто скрепляя сделку. Ульрик от омерзения дернулся – ладонь у старика оказалась чистой, без печати, – и бритва оставила на шее глубокий порез.

...Он следил за ней около часа. Медно-рыжие волосы, жилетка в черно-красную клетку, в руке саквояж. Шнурки изумрудно-зеленых кед развязаны и волочатся по земле.

Ульрик приметил девушку в кафе под открытым небом. Незнакомка сидела за столиком и читала книгу. Проходящий мимо официант споткнулся и опрокинул на рыжую горячий кофе. Девушка весело взглянула на смущенного официанта – тот попытался салфетками оттереть кофе с жилетки – и как ни в чем не бывало перевернула страницу.

Не прошло и минуты, как жирная чайка уселась на стол, схватила кекс, к которому было потянулась девушка, и тотчас исчезла за крышами. Незнакомка пожалала плечами и сделала глоток кофе, не прерывая чтения, видимо, полагала, что неуклюжие официанты и чайки-воровки еще не конец света.

В тягуче-густых солнечных лучах мелькнула жужжащая точка. Оса, ведомая ей одной понятной логикой, покружила над одиноким господином, одетым в плащ и шляпу – слишком тепло для столь ясного денька, – заложила вираж над черничным пирогом на витрине... и уселась на голову знакомки в жилетке. Не прошло и секунды, как рыжеволосая, рассеянно поправив прическу, вскрикнула – насекомое ужалило ее в ладонь. Девушка отложила книгу, открыла саквояж, немного порылась в его недрах, вытащила бланк и, морщась от боли, начала заполнять.

Девушка расплатилась и покинула кафе. На пересечении Оловянной и Хромовой неосторожный водитель обрызгал ее с ног до головы мутной водой из лужи. Рыжеволосая этого как будто не заметила и не удостоила хама-водителя – к слову, предупредительно сбавившего скорость перед Ульриком – и взглядом. А чуть дальше по улице девушка сама стала причиной небольшого происшествия.

Проходя мимо маляра, она нечаянно задела стремянку, и несчастный с воплем рухнул вниз. Ведро опрокинулось, по тротуару потекла краска. Потирая ушибленный бок, рабочий стал кричать на девушку, на что та щелкнула пальцами и примирительно подняла ладонь. Маляр нахмурился, извинился и захромал поднимать лестницу.

Она прошла не больше квартала, когда окно на втором этаже многоквартирного дома распахнулось и некто выплеснул остатки чая – видимо, посчитав, что рыжеволосая недостаточно промокла. В довершение она наступила на развязанный шнурок, растянулась на тротуаре и сильно разбила колено. Однако и тут не расстроилась, а вновь вытащила из саквояжа бланк и принялась старательно заполнять.

Ульрик растерянно поинтересовался, не нужна ли помощь, но девушка лишь отмахнулась, не думая подниматься на ноги.

– Ты не мог бы поставить вот здесь подпись? – вдруг попросила она. – Как свидетель?

– Собираешься подать на кого-то в суд?

– Это для отчета.

– Отчета?

– Ну да, в фирму, где я работаю – «Брайан и Компания».

Ульрик сделал вид, будто удивлен.

– Ты никогда не слышал о нас?

– Нет, – щеки Ульрика заалели.

– Ой, я совсем забыла представиться – Ют Бильдерлинг.

И щелкнула пальцами. Впервые Ульрик увидел печать «НЕУДАЧНИК» у кого-то еще.

– Ты неудачница?!

– Мы предпочитаем называть себя брайанами – это не так обидно.

– Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть.

Чтобы загладить вину, Ульрик снял перчатку и шелкнул пальцами в свой черед. Перчатки он взял за правило носить не снимая с тех самых пор, как пожал руку декану. С того дня преподаватели словно с цепи сорвались. Не успел Ульрик и глазом моргнуть, как оказался в списках на отчисление.

– Не может быть! – удивилась Ют. – Ты не похож ни на кого из наших, вот это да!

Из недр саквояжа проворно выбрался хомяк и попытался удрать. Ульрик машинально поймал зверька.

– Ой, – воскликнула Ют. – Давай его сюда! Какой же ты непослушный, Грэхем!

– А почему вы, то есть мы, называемся «брайанами»? – спросил Ульрик, помогая Ют подняться.

– Брайаном звали одного из первых, кто получил печать «НЕУДАЧНИК». Парню так сильно не везло, что его имя стало нарицательным. Поверить не могу, что ты никогда о нас не слышал! Вот, держи.

Ют вручила Ульрику визитку.

– «Некоммерческое учреждение «Брайан и Ко», ул. Печная, д. 7», – прочел он. – А что нужно...

...Он услышал детский плач: дальше по улице, у магазина игрушек, безутешно рыдала девчушка лет восьми.

– Я по-потерялась! – всхлипнул ребенок, когда Ульрик спросил, в чем дело.

– Где ты живешь?

– Кро... Кро...

– Кролик? – недоумевал Ульрик. – Крокодил? Рядом с зоопарком?

– Кровельщиков т-тридцать, до... дом восемь, д-дробь бэ...

– Пошли, я тебя отведу, – Ульрик протянул руку. Девочка доверчиво вложила свою ладонь в его... и тут же разжала пальцы.

– Фу, с неудачником не хочу.

Ульрик только сейчас заметил, что после разговора с Ют забыл надеть перчатку. У мелкой вредины, между прочим, оказалась печать «СУДЬЯ». Даже не «ЮРИСТ». «СУДЬЯ»! Откуда проклятой машине это знать?

– Да? И что ты будешь делать?

Девочка зарыдала сильнее.

– Прекрасно, с этого и следовало начинать. Думаю...

...сидевшая за столом блондинка вздрогнула, натянуто улыбнулась и пригласила:

– Присаживайтесь. Я Белинда Пет, директор фирмы «Брайан и Компания». Чем могу быть полезна?

– Хочу устроиться на работу, – Ульрик шелкнул пальцами. На голове у него была каска – охранник дал.

Белинда чуть отодвинулась.

– Впервые у нас? Заполните «Форму 777» и считайте, что приняты.

«Форма 777» предлагала ответить на три вопроса:

1. *Имя и фамилия.*

2. *Год рождения.*

3. *Адрес.*

Выданный Белиндой карандаш, весьма странный: похожий на мелок и, ко всему прочему, красный, на удивление отлично писал.

– Не торопитесь, у нас куча свободного времени. И бланков, – Белинда хлопнула по толстой пачке бумаги, что лежала на столе. – Если хотите, могу дать карандаш другого цвета, у меня есть желтые, зеленые, синие... Какие-то вопросы?

– Я закончил.

Белинда хмуро взглянула на Ульрика поверх очков. Взяла бланк, быстро пробежала глазами.

– Хм. Одну секунду.

Она запровила в каретку печатной машинки чистый лист, и стальное «кляц», «кляц», «кляц», похожее на звуки выстрелов, заполнило комнату.

– Знаете, вам бы не помешало зажечь свет, – учтиво посоветовал Ульрик.

– В этом здании нет электричества, – не поднимая головы, ответила Белинда. – Здесь вы не найдете ни одной розетки.

– Можно принести керосиновую лампу.

– Только пожара нам и не хватало.

– А зачем нужна каска?

Белинда прекратила печатать и мрачно уставилась на Ульрика. Тот приветливо улыбнулся. Еще больше нахмурясь, Белинда вернулась к своему кляцанью.

– Вы находитесь в одном из самых загадочных зданий Готтлиба, – неохотно начала она. – Количество несчастных случаев, что произошли в его стенах, не поддается подсчету. Ежегодно, по необъяснимым причинам, – Белинда ткнула указательным пальцем куда-то вверх, продолжая печатать одной рукой, – в крышу попадает несколько сот молний. По этим же причинам в здании запрещено находиться двадцати и более сотрудникам фирмы.

– По каким причинам?

Белинда вновь подняла голову и не мигая уставилась на Ульрика.

– Необъяснимым, – наконец сочла нужным пояснить она. – Распишитесь.

– Двадцати? А сколько нас всего?

– Сложно сказать, количество брайанов постоянно меняется. Вот здесь, пожалуйста. Спасибо.

– Так в чем суть работы?

– С вами никогда не случилось ничего... странного?

Случалось. Тринадцать лет назад. Когда он впервые прошел тест. Потом Ульрик еще не единожды наведывался к лотоматонам, но эффект был тот же.

– Всякий раз, как с вами что-нибудь приключится, составьте отчет. Желательны доказательства, но обычно с ними не бывает проблем: в каждой больнице Готтлиба есть наши представители.

...Ульрик около двух часов бесцельно бродил по улицам. Ничего. Посидел в кафе – ни ос, ни чаек, ни небрежных официантов. Даже закурить никто не попросил.

Впрочем, неудивительно – Ульрик и не помнил, когда ему последний раз всерьез грубили. Всему виной немалый рост и внушительный разворот плеч. Беседуя с Ульриком, самые отъявленные хамы с удивлением обнаруживали в себе бездны вежливости и такта.

Проклятье.

Взгляд Ульрика упал на витрину свадебного салона. Там стояла пара манекенов во фраках. А если...

...Люди оборачивались. Некоторые даже провожали пристальными взглядами. Ульрик шел, помахивая тросточкой. Взятый напрокат фрак сидел мешком, лаковые туфли немилосердно жали, а цилиндр то и дело норовил свалиться.

Ульрик купил сливочный рожок, отправился в парк и занял свободные качели. Малыши тут же принялись тыкать в него пальцами, а мамы с колясками поднялись с лавочек и пересели подальше.

Минут через десять объявился полисмен. Ульрик дружелюбно помахал ему. Полисмен на секунду остановился. Ульрик беззаботно лизал мороженое. Когда человек в форме оказался совсем рядом, Ульрик резво выпрыгнул из качелей и бросился наутек.

Какая-то женщина пронзительно закричала, а полицейский принялся свистеть. Ульрик бежал, стараясь не слишком усердствовать. Неудобный цилиндр тут же слетел, ну да невелика потеря. Что-то толкнуло его в спину, и в следующую секунду Ульрик очутился на траве, полицейский рухнул сверху.

Ульрик извернулся и щелкнул пальцами перед носом у блюстителя порядка. Тот уставился на печать, отдуваясь после быстрого бега. Потом рассыпался в извинениях.

Ульрик достал из кармана смятый бланк.

– Не подпишете здесь?..

...Он зашел в припортовый бар, положил цилиндр на стойку и попросил стакан молока.

Пять минут спустя Ульрика вынесли на руках и бросили в ближайший мусорный бак. Следом полетели цилиндр и сломанная трость. Ульрик с трудом поднялся на ноги. Закашлялся и выплюнул половинку зуба. Мир в глазах двоился, троился и норовил куда-то сбежать. Пора менять тактику.

...Ульрик шагал по приемному покою. Кивнул ждущим своей очереди пациентам, приподнял цилиндр перед медсестрой, что катила старушку в кресле на колесиках, улыбнулся карапузу с забинтованной ладошкой. Щелкая каблуками блестящих туфель, Ульрик повернул за угол. Вытащил из кармана два куска проволоки и сунул в розетку, держась за изолированные концы. Искры, треск, сонм удивленных возгласов в коридоре. Свет погас.

Ульрик прилег на холодный кафель, выставил в коридор ногу и подергал ступней – для пущего эффекта.

... – Это какая-то ошибка, – Ульрик рассматривал выданный Белиндой чек.

– Никакой ошибки, – директор некоммерческого учреждения даже не подняла головы: вновь что-то печатала. – Удар током не нанес большого вреда. Вам, как это ни парадоксально, повезло. Хотите получить больше – обратитесь в профсоюз.

Больше? Ульрик еще раз взглянул на сумму. Он только что получил двухнедельное жалование отца за то, что тот с детства учил не делать.

Новая работа начинала ему нравиться.

* * *

Воспоминания, одно ярче другого, в мгновение ока пронеслись перед мысленным взором Ульрика, пока он задыхался в петле. Время словно остановилось.

И пошло опять.

* * *

Безголовый костюм в очередной раз щелкнул крышкой карманных часов. Из капель дождя, снега, блеклого света и холодного ветра посреди поля соткалась башня, увенчанная часами без стрелок. Тускло поблескивало на солнце крылечко с ажурными перилами, темнели неприветливые окна, отливала медью табличка с номером дома – Ульрик не успел разглядеть каким именно. За край циферблата уцепилась когтями химера с загнутым орлиным клювом и крыльями летучей мыши. В клюве химера сжимала фонарь. Каменные ступени, устланные ковровой дорожкой, вели к гостеприимно распахнутой двери.

Костюм одним прыжком перемахнул через ступеньки и скрылся внутри. Палач последовал его примеру.

Писк оборвался.

Вспышка.

Очнулся Ульрик в сугробе. Звенело в ушах, голова раскалывалась. Неизвестная чудовищная сила разрушила виселицу и далеко отбросила Ульрика от места казни. Порванная веревка болталась на шее жутким галстуком.

Фантастическое везение. Спасти удалось лишь чудом.

Интересно, сколько ему заплатят?

И что произошло?

Он избавился от стянувших запястья веревок, вытащил изо рта кляп и занялся поиском вещей. В луже мутной воды лежал цилиндр, под доской нашелся саквояж. Ульрик кое-как отчистил фрак от грязи. Открыл саквояж, выудил со дна ритмично попискивающий неприятностиметр и уже собирался убрать устройство в футляр, когда услышал за спиной вежливое покашливание. Предчувствуя, что пожалеет об этом, Ульрик обернулся. На месте виселицы стоял телетранслятор. По серебристой поверхности экрана пробегали широкие полосы помех. Из телетранслятора на Ульрика неодобрительно взирала директор некоммерческого учреждения «Брайан и Компания» Белинда Пет.

– Вам очень идет веревка, подчеркивает цвет глаз, – сказала она.

Неприятностиметр запищал громко и часто, выражая согласие.

– Взялись за старое? – строго спросила Белинда.

– А что я сделал не так?

– Думаете, это весело?

Ульрик постарался скрыть непослушную улыбку.

– Я выношу вам сто двадцать шестое официальное предупреждение.

Из-под земли, будто экзотический гриб, вырос красный почтовый ящик и плюнул в Ульрика конвертом.

– Не забудьте написать объяснительную.

– На каких основаниях мне выносят предупреждение? – прорычал Ульрик, отпихивая конверт носком ботинка. – Потому, что я выжил?!

– Давайте я вам кое-что покажу.

Картинка на экране сменилась, Белинда исчезла, уступив место «Доске почета». На многочисленных фотографиях красовались «работники месяца». Глядя на снимки, чувства зависти Ульрик не испытывал совершенно.

– Посмотрите, – Белинда вновь появилась в кадре и указала на фотографию. Там было изображено нечто похожее на фруктовый салат. – Ваш коллега – назовем его для простоты Брайан № 1 – решил отметить двадцатый день рождения прыжком с парашютом. Парашют он, разумеется, забыл в самолете. Брайан № 2 сел в машину к незнакомцу. Брайан № 3 на просьбу закурить прочитал нотацию о вреде табака. Брайан № 4 пытался починить розетку. Брайан № 5 на спор переходил дорогу с завязанными глазами. Брайан № 6 решил погулять в лесу. Брайан № 7 поскользнулся в ванной. Брайан № 8 так смеялся, что подавился языком. А вы оказались в эпицентре взрыва метеорита, да еще болтаясь на виселице, и при этом ничуть не пострадали. Вам не кажется это подозрительным?

Так вот что это было. Метеорит.

– Я порезался сегодня утром, когда брился, – заметил Ульрик для справедливости.

– Прекратите паясничать!

Ульрик пристыженно замолчал.

Белинда сделала неопределенный жест рукой, обводя всех тех, кому посчастливилось с размахом и помпой дать дуба в этом месяце.

– Вы уже четыре года в должности. И хотя успели натворить столько, что на сотню брайанов хватит, до сих пор живы. Как такое возможно?

– Я...

– ...Вы – мошенник!

– В чем мошенничество, если не секрет? По-вашему, я заплатил, чтобы меня повесили?

– Вы заплатили, чтобы вас оставили в живых!

Ульрик от возмущения потерял дар речи.

– Не знаю, как вы узнали о падении метеорита, но уж, поверьте, докопаюсь до правды!

– Если я такой умный, почему у меня столь паршивая работа?

– Это не в моей компетенции, – Белинда поджала губы. Кажется, он здорово ее разозлил. – Для оценки ваших последних... достижений сформирована особая комиссия. Я собираюсь доказать, что произошедшие с вами несчастные случаи были сфабрикованы.

– Что мне сделать? Надеть носки разных цветов или потянуть неделю-другую с уплатой налогов?

– Случись подобное с любым другим брайаном – отлично. Не мне указывать, но, судя по отчетам, в вашем характере деяния куда более... глобальные, – язвительно закончила Белинда. – В случае, если комиссия сочтет вас жуликом и уличит в обмане, вы получите окончательный расчет...

– Ха! Нашли, чем испугать!

– ...А печать с вашей ладони незамедлительно удалят.

Ульрику сделалось нехорошо. Это неприятное чувство не было страхом. К страху он привык. Страх давно стал неотъемлемой частью работы – не позволял рисковать понапрасну. Нет, то был обычный, даже заурядный, ужас перед чем-то гораздо худшим, нежели старая добрая смерть.

– Не посмеете! Это незаконно!

– Вот и посмотрим. Успехов, – Белинда одарила Ульрика на прощание дежурной улыбкой.

Телетранслятор исчез. Ульрик остался один. Если не считать снегопад. И неприятностиметр, что время от времени издавал тихий писк.

Ульрик вытащил из саквояжа пару белых перчаток взамен испорченных. Снял обрывок веревки, бросил на землю и уже направился было к городу, когда понял, что редкий писк неприятностиметра почему-то смолк.

Это было подозрительно. Если хоть десятая часть того, что он слышал о городе, видневшемся вдали, – правда, неприятностиметр должен пищать не переставая.

Ульрик обернулся: нет ли кого сзади. Пусто, только обрывок веревки с петлей сиротливо мок в луже. Он подобрал веревку, повесил на шею. Писк возобновился.

Стоило снять веревку, и писк смолк.

Чем-то она приглянулась неприятностиметру. Ульрик пожал плечами, надел вместо галстука-бабочки висельную петлю, чуть подтянул узел, подхватил саквояж и отправился на работу.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Столица Метеоритов

Отжимания по-прежнему давались с трудом, однако Нейтан присутствия духа не терял. Добро должно быть с кулаками. Да, что ни говори, а добру с ним повезло. Если учитывать массу, общий вес добра в Блэткоче изрядно увеличился с тех пор, как Нейтан перешел на светлую сторону. И даже вырос на пару килограммов с прошлой недели.

Он тренировался ежедневно. Одну стену спальни занимали клинки – катана, пара вакидзаси и танто. Еще на стене висел кухонный нож. Он выглядел так себе (если сравнивать с великолепными клинками, что выковали древние умельцы много веков назад, высоко в горах, а после по случаю купила бабушка на сезонной распродаже в Глинберри), зато его было не жалко. Нейтан частенько пускал ножик в ход, когда расправлялся на заднем дворе с глиняными горшками и старыми ящиками. Так он постигал стиль страшных убийц – черных ниндзя, – способных укокошить противника движением мизинца.

Освоил Нейтан и технику бесшумного передвижения. Во всяком случае, сам он не слышал, как передвигается: из-за свистящих хрипов, что вырывались из груди через десяток-другой шагов.

Нейтан все еще пытался оторвать живот от пола, когда грохнул взрыв, да так, что стекла задрожали. Город в мгновение ока облетела весть: началась война.

Потом сказали, что проснулось древнее чудище. Вылезло из глубин ада и направилось напрямиком в Блэткоч.

Разумеется, это было неправдой. Ни одно чудище, если ему дорога шкура, не подойдет к Блэткочу и на пушечный выстрел. Слух про войну тоже не подтвердился, хотя жители успели поймать трех шпионов. Скоро выяснилось, что неподалеку от Блэткоча упал метеорит. «Шпионов» отпустили, хотя те по-прежнему клялись, будто были отправлены в город с секретной миссией, о которой с удовольствием расскажут, если им дадут немного времени поразмыслить.

Стены Нейтановой спальни были обклеены портретами Генри Блэткоча – первого и последнего мэра города. Рыжебородый, похожий на лесоруба, в сапогах из крокодиловой кожи, Генри внушал уважение и трепет одним своим видом. По крайней мере – Нейтану.

Отъявленный плут и завзятый картежник, Генри основал Блэткоч много лет назад, а потом смылся подобру-поздорову. Говорили, он был чрезвычайно тонким троллем, ниндзя-убийцей, по желанию мог становиться невидимым, а еще разговаривал на ста языках. Ходили слухи, что бреется он топором, умывается кислотой и ест раскаленное железо на завтрак.

Нейтан хотел во всем походить на Генри. Вот почему он день за днем истязал тело кувырками и отжиманиями. Тренировал и прищуренный взгляд, которым, по легенде, первый мэр обращал врагов в бегство. Нейтан часами корчил рожи зеркалу, но все, чего добился, это мастерски изображать приступ паники у больного эпилепсией, которого пытаются зачекотать до смерти.

Еще Нейтан был неплохим детективом. Сейчас он расследовал одно перспективное дело: в урне возле дома вчера обнаружился пепел. Много пепла. За этим определенно скрывалась тайна.

Нейтан подошел к окну.

«Этот город, – подумал он, – словно... словно что-то нехорошее. И здешние люди... плохо себя ведут. Вот».

Город и впрямь выглядел так себе. Оставалось загадкой, почему мистер Блэткоч, личность, судя по описаниям, весьма неординарная, сделал его столь непритязательным. Все здесь было тусклым, выцветшим, помятым на вид: покатые крыши домов, узкие улочки и даже небо.

Хмурые горожане спешили по делам.

Падал мокрый снег.

В подворотне за мусорными баками валялся парень в изрядно поношенном костюм-тройке и криво сделанной маске. Несколько человек усердно били его ногами.

Обычный день в Блэткоче шел своим чередом.

Внутренний голос настойчиво советовал Нейтану отойти от окна и еще поотжиматься. Что он и сделал. В прищуренном взгляде Генри появилось неодобрение. Нейтан отвернулся. Не тут-то было – с каждой стены не менее пяти Блэткочей сверлили Нейтана нарисованными глазками.

Но разве он не ждал с замиранием сердца, когда судьба бросит ему вызов? Он так усердно тренировался и столько раз бил злодеев в мечтах, что наверняка справится с десятком-другим в реальности.

– Ну, хорошо, – сдался Нейтан. – Но, если меня там убьют, виноваты будете вы!

Ни один портрет не ответил, но взгляд Генри потеплел. Со всем почтением, на какое был способен, Нейтан снял со стены катану, выглянул в коридор, опасливо повертел головой – не видно ли где бабушки? – и вышел на улицу.

* * *

Над письменным столом склонились две фигуры в черных балахонах. Чудовищный грохот, от которого, кажется, содрогнулась сама земля, их ничуть не впечатлил. Кем бы ни были люди в балахонах, выдержки и спокойствия им хватало с избытком. Или, что больше походило на правду, за несколько месяцев в Блэткоче они привыкли и не к такому.

Фигуры увлеченно рассматривали карту города. Пыльное окно за их спинами нехотя впускало в комнату солнечный свет.

– Так, где ты говоришь, она была? – спросила фигура № 1.

– Вот здесь, здесь и еще тут, – откликнулась фигура № 2, водя пальцем по карте. – Вчера ее видели у кондитерской, на Цветочной. В прошлый вторник стояла на Счастливой: втиснулась меж домов.

– Как эта штукавина работает? Должны быть какие-то колеса, а?

– Никаких колес никто никогда не видел, сэр.

– Или, может быть, она привязана к аэростату?

– Не думаю, сэр.

– Но что тогда?!

– Кот его знает, сэр.

– И ты нахватался этих словечек? – укорила фигура № 1.

– Виноват. Черт его знает, сэр.

– Так-то лучше.

* * *

Н жил в башне, увенчанной огромным циферблатом без стрелок. Вероятно, это должно было что-то означать или символизировать. К примеру: над владельцем необычного дома не властно само время. Или являться намеком на пустую, небогатую событиями жизнь. Но правда заключалась в том, что жители Блэткоча могут украсть любую вещь, если она хорошенько не приколочена.

Сейчас Башня имела весьма потрепанный вид: кое-где выбиты стекла, флюгер погнут, на крыше местами отсутствует черепица. Человек в сером деловом костюме и в белой маске стоял на стремянке и прибивал молотком наполовину оторванный ставень. Закончив работу, человек подхватил лестницу и скрылся в Башне.

Из подворотни выбежала дворняга неопределенной серо-бурой окраски – самой популярной породы в Блэткоче. Пес несколько раз гавкнул на Башню, будто увидел ее впервые. Обнюхал водосточную трубу, еще раз гавкнул и решил пометить крылечко. Но стоило псу задрать лапу, как Башня тут же растаяла в воздухе без следа.

* * *

Сегодня Белинда была настроена крайне решительно. Председатель Департамента профпригодности Теадеус Фрок откашлялся. Снял очки, протер платком и вновь водрузил на нос. Ничего не изменилось: Белинда по-прежнему сидела напротив и кипела от злости. И папка с отчетом, все такая же угрожающе толстая, лежала на столе, не думая никуда исчезать.

Поверить в то, что он прочел, Теадеус отказывался. Пока перелистывал отчет, председатель четыре раза протирал очки и шесть – кашлял, так что в конце концов Белинда ядовито поинтересовалась, не заболел ли он.

Теадеус изо всех сил откладывал неприятный разговор, но дальше отступать было некуда. Мог ли он представить, что окажется в таком положении? С тех пор как лотоматон выдал ему профессию юриста, минуло больше сорока лет. И председатель ни разу не усомнился в верности выбора аппарата. Теадеус обожал возиться с документами, цифрами, законами и поправками к ним. Ему нравились обстоятельность и точность. Цифры успокаивали, казались безопасными. Кто другой на подобной работе давно бы зачах, но только не Теадеус! И когда он сделался председателем Департамента, искренне верил, что получил работу мечты. Как, впрочем, и все.

Департамент ведал лотоматонами и отвечал за их безопасность. В особых случаях во власти Департамента было удалить с ладони человека печать, да только на памяти Теадеуса деактивацию никогда не проводили. И на тебе.

Мало того что заставляют принимать столь значимое решение, так от него еще и судьба человека зависит! С цифрами куда проще. Всегда знаешь, каков ответ, сложив два и два. А с людьми? Не ясно, как оно потом обернется, ведь невозможно учесть все!

И Белинду можно понять: в последнее время она стала совсем дерганой, вздрагивала от каждого звука, то и дело принимала успокоительное... Да и парня жаль, хоть и доставил хлопот! Ему бы сидеть тихо, так он почему зря завалил жалобами Департамент и Министерство труда, а вдобавок ко всему подал в суд на лотоматон. Слыханное ли дело!

Сейчас Ульрик был в Блэткоче, прескверном, надо сказать, городишке. Об этом городе Теадеус слышал лишь то, что по нему измеряют уровень благополучия. Чем дальше вы живете от Блэткоча – тем лучше. Еще говаривали, мол, в Блэткоче никто не услышит ваш крик. А если и услышит – тем хуже для вас.

– Вы предлагаете снять печать с этого, гм, Ульрика? – как можно ироничнее осведомился Теадеус.

– В докладных записках ясно сказано, что я предлагаю, – сухо ответила Белинда.

– Я вообще не уверен, что с таких должностей можно увольнять, это... нонсенс!

– Он мошенник и должен понести наказание.

– Да как он может жульничать, будучи брайаном?!

– Три дня назад Ульрик угодил в пещеру к марлофам. Я не успела включить это в отчет. Вы, должно быть, не знаете, кто такие марлофы? Я вам расскажу. Это рептилии. Чертовски большие. Их укусы ядовиты и смертельно опасны, а когти по прочности не уступают железу. Но в один прекрасный день к марлофам заявился Ульрик, и теперь по их пещере можно экскурсии водить.

– Он проделал это в одиночку?!

– Разумеется, нет, – поморщилась Белинда. – А сегодня, в Блэткоче, Ульрика собирались повесить. Он как раз болтался в петле, когда на него упал метеорит.

Теадеус закашлялся.

– Вернее, не совсем упал, а взорвался, – поправилась Белинда. – В воздухе. И не рядом с ним, а в окрестностях города. Но все равно близко от места казни! Настолько близко, чтобы взрывом разрушило виселицу, но не настолько, чтобы пострадал Его Неуязвимость Ульрик!

– И тем не менее за это нельзя лишать печати, – перебил Теадеус. – Мне очень жаль.

– Можно! Если доказать, что он все подстроил, можно! Я создала специальную комиссию, она оценит компетентность Ульрика. И...

– Да вы с ума сошли! – не выдержал Теадеус. – У него и работы толком нет! Как то, чем занимается этот парень и ему подобные, можно оценивать?!

– С юридической точки зрения разницы между его должностью и любой другой нет, а это самое главное, – пожала плечами Белинда. К разговору она подготовилась основательно. – Пусть теперь докажет, что убийство марлофов и раскачивание в петле в то время, как сверху на тебя несется апокалиптическая каменная глыба, обычное дело! А комиссия оценит. Вот увидите, Ульрик не сможет натворить ничего, что сравнится с марлофами или метеоритом. Даже близко. Я ручаюсь за это.

* * *

– Не хотите купить отменный осколок метеорита, мистер? – спросил торговец.

Ульрик взглянул на камень – кусок гранита, с вкраплениями кварца. Один его знакомый оценивал книги так: чем толще – тем лучше. Наибольший восторг вызывали у него фолианты, которыми с легкостью можно было кого-нибудь убить. В таком случае булыжник был что надо.

Он стоял на площади, окруженный галдящей толпой. Судя по радостному возбуждению, что охватило горожан, все предвкушали нечто очень-очень важное. Немного зная нравы здешних обитателей, Ульрик предполагал, что этим «очень-очень важным» могла быть чья-то публичная казнь. Он уже спешил уйти, когда на пути вырос торговец – круглолицый, пузатый, с деревянным коробом на шее и в смешных очках. Среди многочисленных товаров были камни всех мастей. Большинство булыжников, Ульрик был в этом уверен, некогда являлось частью весьма запутанных улочек Блэткоча.

Входя в город, Ульрик ожидал увидеть панику. Или хотя бы смутное беспокойство на лицах отдельно взятых граждан. Ничего подобного. Над городом разверз врата сам ад, а людям было наплевать. Впрочем, нет – каждый пытался заработать. Ульрика несколько раз останавливали и предлагали купить куски метеорита, способные исцелить от всех болезней.

На разноцветных полотнищах, что висели поперек улиц, было намалевано:

Блэткоч – Столица Метеоритов

Неприятностиметр грустно молчал.

Снег сменился дождем – погода в «Столице Метеоритов» была под стать жителям: совершенно непредсказуемая. Снег летом и дождь зимой здесь давно никого не удивляли. Если верить слухам – а Ульрик верил, – люди, способные поражаться таким мелочам, в Блэткоче обычно не задерживались и сразу переезжали на местное кладбище.

– С каких пор ваш город – Столица Метеоритов? – полюбопытствовал Ульрик.

Торговец сделал вид, будто ему нанесли смертельное оскорбление.

– Так было всегда. С незапамятных времен, сэр. Не хотите метеориты – купите веревку. У меня имеется парочка, прочные. Когда снова будете вешаться, ни за что не порвутся, обещаю.

- По-вашему, я похож на туриста? – спросил Ульрик, поправив узел висельной петли.
- Еще как. Вас кое-что выдает, сэр. Вы улыбаетесь.

Ульрик устало вздохнул – то, что все принимали за улыбку, на самом деле ею не было.

– Ну и вид, конечно. Я во фраках только покойников видал. Да и то один раз. Лет пять назад мой двоюродный дядюшка помер, я ему фрак напрокат и взял. Шуму было. Не понимаю, что тут такого: фрак я вернул, дядюшка в нем совсем недолго полежать успел. И потом...

- У вас есть талисманы? Те, что приносят несчастье? – на всякий случай спросил Ульрик.
- Могу посоветовать футляр из-под скрипки. Скрипачей здесь не жалуют.
- Дайте пару. Городские власти всегда столь беспечно относятся к падению метеоритов?

По-моему, это не слишком законно.

– У нас нет законов, – легкомысленно махнул торговец рукой. – Только правила. Например, правило первое и самое главное – «Не корми тролля».

- Я и не собирался, – опешил Ульрик.
- Тогда вам здесь понравится.

Они немного помолчали, затем Ульрик спросил:

– В городе есть достопримечательности?

– О да, сэр! Много всего! «Музей метеоритов», кафе «Метеоритный дождь» и гостиница «У кратера».

– И с каких пор открыты все эти заведения? – невинно поинтересовался Ульрик.

– С незапамятных, сэр. Еще имеется Блуждающая Башня.

– Ого! А как ее найти?

– Когда понадобится, Башня сама вас найдет. Вы приехали на Турнир Самоубийц?

Турнир Самоубийц? Звучало заманчиво.

– Хотите билетик? – предложил торговец. – Отличное место, первый ряд.

– Спасибо, я лучше поучаствую.

Лицо торговца вытянулось.

– Э-э-э, – только и сказал он.

Ульрик купил футляры для скрипок, но торговец уходить не спешил.

– Хорошая сегодня погода, не правда ли? Не желаете прикупить зонт? Или плащ-накидку?

Дождь перестал накрапывать и теперь уверенно моросил. «Так и простудиться недолго, – подумал Ульрик. – Интересно, воспаление легких Белинду устроит?»

– Может быть, кофе? – с надеждой спросил торговец. Он словно опасался, что Ульрик вот-вот протянет ноги и на нем не удастся как следует нажитья.

– У вас есть кофе?

– Разумеется.

Торговец протянул Ульрику чашку, полную кофейных зерен.

– Что это?

– Кофе.

Ульрик прищурился. Торговец был невозмутим.

– Без воды? – уточнил Ульрик.

– Ну конечно! Тщательно пережевать его – это все, что нужно для начала хорошего дня.

Ульрик решил, что если «выпьет» этот кофе, то не сможет уснуть и после смерти.

– Не порекомендуете наемного убийцу? – спросил он, чтобы поддержать разговор.

– В Блэткоче они редкость, сэр.

– Неужели?

– Именно так. Люди верят: если любимое дело станет профессией, то перестанет приносить удовольствие. Но советую посетить бар «Веселый метеорит». Не прогадаете.

Что ж, бар так бар. Мог бы и сам догадаться. Ульрик наконец увидел, что привлекло внимание горожан: на сцене в мягком кресле сидел кот и вылизывал шерстку. Вот он потянулся, толпа затаила дыхание, и до Ульрика донеслось едва различимое «мяу». Послышался вздох умиления. Из толпы вышли несколько горожан, они что-то несли.

«Ага», – подумал Ульрик. Больше он ничего подумать не успел. Люди положили на помост корзины с цветами и удалились. Ульрик был поражен. Что за чертовщина творится в этом городе?

Неприятностиметр хранил траурное безмолвие.

* * *

Ульрик шел тесными улочками Блэткоча навстречу неизбежной беде. Здравый рассудок – отличная штука, которой Ульрик никак не мог научиться пользоваться, – настойчиво советовал покинуть Блэткоч подобру-поздорову. Профессиональное чутье предложило рассудку заткнуться и сосредоточило внимание на ближайшей подворотне. Там четверо живописно одетых господ слегка неумело, но зато старательно и упорно пытались кого-то убить. Вырядились они до странности одинаково: в сдвинутые на затылки – не иначе как от усердия – зеленые котелки, длиннополые фиолетовые сюртуки, что едва сходились на могучих плечах, клетчатые брюки и тяжелые ботинки с круглыми носами. Неприятностиметр на всякий случай пару раз пискнул, не веря своему счастью.

По слухам, чтобы попасть в Блэткоче в переплет, достаточно задеть плечом случайного прохожего.

Ульрик подобрал камень, до которого еще не успели добраться охотники за метеоритами, и огляделся. Поблизости обнаружилась старинного вида башня с ажурными перилами крылечка и огромными часами без стрелок над витражным окном. За край циферблата уцепилась когтями уродливая химера. Тускло блестела пластинка с названием улицы и номером дома: *Счастливая, 404*. Ульрику подумалось, что, если где-то в Блэткоче и жили люди, способные радоваться данному обстоятельству, на этой улице их не было и в помине.

На скрипучем флюгере сидела жирная ворона. Пожелав себе удачи, Ульрик бросил в нее камнем.

После серии замысловатых рикошетов булыжник, как и задумывалось, угодил в затылок молодчика в зеленом котелке. Со стороны это должно было выглядеть как случайность. По крайней мере, Ульрик на это надеялся. «Зеленый котелок» охнул и упал на колени. Компания в подворотне как по команде обернулась, перестав бить ногами господина в сером костюме.

– Привет, – поздоровался Ульрик в надежде, что аттестационная комиссия рядом и все записывает.

Он на всякий случай повертел головой, рассчитывая увидеть людей из Департамента профпригодности. Никого похожего не нашлось, разве что толстый мим с блестящим мечом крался вдоль стены. Неприятностиметр почему-то умолк.

Хмурые господа не спешили рвать Ульрика на части. Пора было импровизировать.

– Я камень потерял, – беспечно начал он. – Вы, ребята, не видели его случайно?

В какой-то другой Вселенной он наверняка был бы уже избит до полусмерти. Но в этой ничего подобного не произошло. Ульрик запаниковал.

– Слышали о ребятах, что носят оружие в футлярах для скрипок? – шепотом спросил один «котелок». – Наверняка он из них.

– О мой кот, да у него целых два футляра!

– К такому только сунься. Смотри, как улыбается.

Ульрик не мог не улыбаться, даже если б захотел. Он всегда улыбался, когда нервничал, а сейчас поводов для паники было хоть отбавляй.

Примерно год назад Ульрик обзавелся одним навязчивым мимическим расстройством. Улыбкой.

Профессия, подобранная лотоматомом, со временем оставила свою нестираемую печать: нервный тик.

Люди, что часто испытывают душевные муки, обзаводятся дергающимися веками, дрожащими пальцами или навязчивым покашливанием. А Ульрик, когда был очень расстроен или сильно взбешен, начинал улыбаться. Он улыбался психопатам, уголовникам и марлофам. Фанатикам, оккультистам, шаманам и просто идиотам. И они принимали Ульрика за своего.

Прошла минута.

Неприятностиметр хмуро молчал, Ульрик был по-прежнему жив, здоров и до отвращения хорошо себя чувствовал.

Черт знает что.

Человек в костюме силился встать на ноги. С пятой попытки ему это удалось. Он оперся рукой о стену и, покачиваясь, промычал нечто неразборчивое. Тип с мечом притаился за мусорным баком – будто слона спрятали за фонарным столбом.

Ульрик застонал. Кошмар. Только сто двадцать седьмого предупреждения и не хватало. Бежать, срочно! Он заспешил дальше по улице, мимо изумленных «котелков», чудака с мечом, странного субъекта в маске, навстречу вменяемому, адекватному несчастью.

За спиной раздались торопливые шаги. Ульрик с надеждой обернулся. Нетвердой походкой его догонял «зеленый котелок». Одной рукой здоровяк держался за голову.

– Ваш камень, – сказал мужчина, протягивая Ульрику булыжник с пятнами крови. – Вы, кажется, искали его.

И, немного подумав, прибавил:

– Сэр.

* * *

Виктор скучал, вырезая на столешнице имя последней жертвы, когда вошел клиент.

В последнее время дела шли особенно неважно. Особенно, потому как быть наемным убийцей в Блэткоче всегда было не очень-то выгодным занятием. Оплачивать смерть врага глупо: чаще всего достаточно немного подождать, и недруг умрет естественной смертью. Естественной по меркам Блэткоча – ему проломают голову на добровольных началах, совершенно бесплатно.

Клиентами Виктора становились обиженные дамы, темные личности в балахонах с капюшонами или юнцы, у которых не хватало силы и мужества самостоятельно разобраться с обидчиком. Новенький, в черном фраке и цилиндре, со странным галстуком на шее, не походил ни на третьих, ни на вторых, ни тем более на первых.

– Доброе утро, – сказал молодой человек и достал из саквояжа ворох конвертов. Некоторое время он их перебирал, беззвучно шевеля губами. Наконец, пробормотав что-то вроде: «кажетсяэтот», протянул конверт Виктору.

– Ваш новый клиент, – парень улыбнулся чуть шире. – Проучите его как следует. Плачу вперед.

В конверте лежала фотография юноши. Ничего особенного: темные волосы, правильные черты лица. Молодой человек на портрете вполне мог сойти за студента. Фокусника. Художника. Непременно из приличной семьи. Если бы не одна мелочь. Хищная улыбочка, что разом портила приятное впечатление. Еще в конверте лежало письмо, начинавшееся словами: «*Дорогая матушка, у меня все хорошо...*»

Видимо, юноша решил свести счеты с жизнью, нарочно выбрав способ поэкстравагантнее. Ох уж эти декаденты! Хотя чего еще можно ожидать от человека, что расхаживает почему

зря в цилиндре и фраке? Наверное, хочет, чтобы его травил белладонной или вонзали стилет в сердце. Стоило Виктору так подумать, и карман странного господина разразился пронзительным писком.

– Я хочу, – тут клиент улыбнулся шире прежнего, – чтобы вы только проучили объект, не переусердствовав при этом, ясно?

Куда уж яснее. Кажется, парень – профессионал, боится, что их могут подслушать. Да только полиция в Блэткоче никогда не отличалась особым рвением. Мягко говоря.

Писк как будто стал громче.

– Не. Вздумайте. Его. Убивать. Понятно?

«Вот ведь какая штука, – подумал Виктор. – Говорит парень одно, а по лицу совершенно ясно, что хочет он кровавой и мучительной смерти. И ведь потом не подкопаешься – формально клиент ни о чем таком не просил. Уважаю».

* * *

Огден был трусом. Когда Огдену бывало страшно – то есть всегда, – ему хотелось сжаться в комок и заползти в какую-нибудь щель, тогда как на его лице появлялось выражение, увидев которое в щель забивался обидчик.

Огден был огромен, обладал невероятной силой, а его лицо выражало всего две эмоции: ярость и злость. Тогда как сам Огден испытывал в основном страх и ужас при виде незнакомых людей, любых собак, запертых дверей, открытых дверей, лестниц, подвалов, чердаков, шкафов и вообще всех мест, попав в которые можно оказаться в темноте. Вздрагивал от резких звуков и на дух не переносил грозу. Если записать все, чего боялся Огден, включая его собственную тень, получился бы «Большой словарь».

О том, что Огден трус, не знал никто. Жители Блэткоча опасались и уважали Огдена. Крик страха «АГРГРГХ» был способен напугать до чертиков кого угодно. Друзей, которым Огден мог по глупости проболтаться о своих переживаниях, у него не имелось. Незнакомцев он обычно встречал возгласом «АГРГРГХ», что по шкале вежливости от одного до десяти равняется примерно минус двумстам пятидесяти восьми.

Огден хотел заниматься живописью и коллекционировать бабочек, полагая, что тяга к прекрасному главное свойство его природы и как нельзя лучше подчеркнет индивидуальный склад личности. Тогда как любой, кто имел несчастье испугать Огдена, мог поклясться: как нельзя лучше индивидуальность его личности подчеркнет двухнедельная щетина, ржавый тесак и приветствие: «Кошелек или жизнь?»

Огден частенько бывал в баре, с некоторых, а вернее с незапамятных, пор обзаведшемся названием «Веселый метеорит». Бар – само собой, в плохом районе и с ужасной репутацией – был единственным местом, в котором Огден смотрелся естественно и не привлекал к себе лишнего внимания. Обычно Огден стоял у стойки, стараясь не упасть в обморок при виде новых посетителей. Даже завсегдатаи считали его вышибалой. Заставлял так себя думать и хозяин заведения, потому что не брал с Огдена денег за еду: не мог набраться смелости выписать «вышибале» счет.

Самый трусливый житель Столицы Метеоритов был занят перевариванием двух порций свиных отбивных, когда за рукав куртки его кто-то схватил и бесцеремонно потянул. Гора мускулов на ватных ногах обернулась к неожиданному визитеру.

– АГРГРГХ? – спросил Огден.

* * *

Редакция газеты «Время Блэткоча» располагалась по адресу: ул. Леденцовая, д. 8. На массивной двери не имелось вывески, зато красовалось несколько табличек следующего вида: «Троллям вход воспрещен!», «Никаких троллей!» и «Троллям здесь не рады!». Раздумывая, где рады троллям, Ульрик позвонил.

– Добрый день, – спустя минуту откликнулся голос сквозь щель для писем и газет. – Что вам угодно?

– Я пришел подать объявление, – сказал Ульрик.

Повисла пауза.

– Вы, случаем, не тролль? – подозрительно спросил голос.

– Нет, – честно ответил Ульрик.

– Вы в этом уверены?

– Э-э-э... более чем.

Послышалось щелканье замков, и дверь распахнулась. На пороге стоял коротышка с всклокоченной седой шевелюрой, темными кругами под глазами и в очках: одни были подняты на лоб, другие, с толстенными линзами, болтались на цепочке под подбородком, третьи, с разноцветными стеклами – красным и желтым – скособоченно восседали на носу-пуговке. На шее субъекта висела желтая измерительная лента, в руках он держал кофейник, за ухом торчал огрызок красного карандаша, из кармана смятой рубашки выглядывали блокнот и лупа, а на груди, подвешенный за бечевку, болтался внушительных размеров булыжник.

На стенах тесной прихожей в рамках под стеклом висели газетные передовицы с портретами котов.

– Это «Мистер Сентябрь», Блэткочская полосатая, – поймав удивленный взгляд Ульрика, пояснил незнакомец. – Вон там – «Мисс Октябрь», Блэткочская длиннохвостая, здесь у нас «Мистер Июль», Блэткочская короткошерстная, далее, а-а, – тут коротышка широко зевнул, – «Мистер Декабрь», Блэткочская остроухая и «Мисс Февраль», Блэткочская дымчатая.

Заляпанный чернилами палец указывал с портрета на портрет. Со стен прихожей на Ульрика глядели многочисленные кошачьи разной полосатости, хвостатости, цветности и длинношерстности.

– Позвольте представиться – Мортимер Семьперсон. Некогда успешный предприниматель, а теперь – единоличный владелец газеты «Время Блэткоча». Нигде так не любят кошек, как в Столице Метеоритов. Если бы не тролли, жить здесь было бы одно удовольствие. А-а, – зевнул Семьперсон. – Совершенно некогда спать!

– Тролли? Здесь водятся тролли?

– О, еще бы! Вы с ними не встречались? Вам несказанно повезло, молодой человек! Осторожно, не споткнитесь.

Следом за мистером Семьперсон Ульрик оказался в комнате с двумя прожекторами, креслом и громоздким фотоаппаратом-ящиком на штативе. Из студии вели четыре двери, за одной Ульрик заметил железный шкаф – линотип – и несколько станков. На фотоаппарате стоял поднос с горой металлических букв и кофейником сверху.

Под ногами в изобилии валялись тряпичные мышки, мячики и клубки пряжи. В углу стояла шикарнейшая когтеточка из всех, что только встречались Ульрику. На изодранных бордовых портъерах, у самого потолка, раскачивался здоровенный рыжий кот и рассерженно мяукал. Чувствовался стойкий запах валерьянки.

– Я вас жду! – позвал Семьперсон из соседнего кабинета. – У меня полно работы, и совершенно некогда спать!

Аккуратно переступая через мотки пряжи, Ульрик вошел в тесную комнатку. Стенной шкаф ломился от документов. Мистер Семьперсон устроился за столиком, заваленным квитанциями и счетами-фактурами. Посреди всего этого бедлама на краешке примостился серебряный кофейник.

– Какого характера объявление? – Мистер Семьперсон водрузил на нос очки с толстыми шестиугольными линзами, взамен разноцветных.

– *«Состоятельный джентльмен остановился в гостинице «У кратера», в тринадцатом номере»,* – продиктовал Ульрик.

– Стало быть, частное.

Семьперсон что-то нацарапал на листке, пощелкал костяшками счетов и подвел итог:

– С вас десять лэков. Если можно, без сдачи. Не желаете кофе?

– Не откажусь, – сказал Ульрик, доставая кошелек.

Семьперсон насыпал две чашки кофейных зерен с горкой.

– Вам с сахаром или без?

– Э-э-э... – Ульрику начало казаться, что над ним все издеваются.

– Вы правда решили участвовать в Турнире Самоубийц? – спросил Семьперсон, заметив бирку.

Здесь следует кое-что пояснить.

Когда он избавился от не оправдавших надежд футляров для скрипок, то наткнулся на пестрый шатер, вроде тех, в каких устанавливают лотоматоны. Очереди видно не было.

Зайдя внутрь, Ульрик лотоматона не обнаружил, но внакладе не остался: после бомбардировки вопросами, суть которых сводилась к тому, тролль Ульрик или просто сумасшедший, его записали участником на «Турнир Самоубийц» и выдали картонную бирку, какую обычно вешают на покойников, чтобы те случайно не перепутались. На одной стороне были имя и фамилия, а на другой – расписание:

29 марта, 11:00 – испытание № 1

31 марта, 12:00 – испытание № 2

1 апреля, 10:00 – испытание № 3

3 апреля, 21:00 – испытание № 4

Место: стадион имени Генри Блэткоча. Да хранит вас кот!

– Вы правда не тролль? – нахмурился Семьперсон. – Тогда я обязан взять у вас интервью, читатели будут в восторге. Отлично подойдет для третьей полосы, сразу за «Хвостатыми новостями», «Полосатым гороскопом» и фотографией, а-а, совершенно некогда спать, «Мистера Апрель». Идемте.

Бумаг на столе в кабинете напротив было не меньше. Сверху, на кипе исписанных листов, устроилась печатная машинка, на ней стоял кофейник. Всюду валялись смятые черновики. Семьперсон вытащил из-за уха карандаш, достал блокнот и не мигая уставился на Ульрика. Тот понял, что газетчик ждет каких-то слов.

– Э-э-э, – только и сумел выдавить он.

Семьперсон энергично застрочил в блокноте.

– Вы впервые в Блэткоче?

– Да.

– Превосходно, – Семьперсон исписал одну страницу и принялся за следующую. – Что бы вы хотели сказать жителям?

– М-м-м, даже не знаю... А что обычно говорят?

Семьперсон покрывал мелкими закорючками страницу за страницей, не уставая повторять «Превосходно».

– Ну-с, теперь сделаем фотографию. А-а, некогда спать! Не желаете капучино?

Ульрика с чашкой «кофе» усадили в кресло, все в клочках рыжей и серой шерсти. «Мистер Апрель», широко открыв пасть, зашипел с портъеры, почуяв соперника.

– Это будет интереснейший номер, – бормотал «бывший успешный предприниматель». – Только бы тролли его не испортили. Поганцы неустанно изводят меня, проберутся, уж не знаю как, в типографию, перемешают буквы на свой лад или внесут правку в статью, а мне потом красней. И это несмотря на принятые меры предосторожности. Вот, полюбуйтесь, новейшее изобретение – антитроллий свисток, – мистер Семьперсон вытащил из кармана сахарную трубочку и что есть силы дунул. – Слышите?

– Нет.

– И немудрено – свист могут слышать только тролли. Еще есть противотролльи беруши, правда, у них побочный эффект: не слышу не только троллей, но и всех остальных.

Семьперсон схватил поднос с буквами и кофейником.

– А камень зачем? – любопытствовал Ульрик.

Семьперсон не ответил. Он стоял, с подносом в руках, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Ульрик присмотрелся и понял: «успешный предприниматель» спит.

– ...Осколок метеорита? – как ни в чем не бывало продолжил разговор Семьперсон через минуту. – На счастье, конечно. Жаль, некогда спать! Вы правда не тролль?

* * *

Джен с ужасом смотрела, как Ульрик пытается покончить с собой, потянув Огдена за рукав.

* * *

Несуразный фрак, помятый цилиндр... Едва долговязый юноша переступил порог бара, как голоса разом смолкли, так что в тишине стал отчетливо слышен назойливый писк. А потом грянул хохот. И стоял до тех пор, пока завсегдагаи не заметили на шее молодого человека висельную петлю, пятна грязи на фраке и не решили, что к ним на огонек заглянул мертвец.

Смех смолк, и писк вместе с ним.

Незнакомец в нерешительности потоптался на пороге. Шагнул было в одну сторону, но быстро передумал и вернулся к двери. Затем направился прямо, но спустя пару секунд вновь остановился. Видимо, сумасшедший. В третий раз полоумный взял круто влево, и Джен почувствовалось, что сквозь гул голосов вновь пробивается странный писк. Больше возвращаться юноша не стал и теперь шел уверенно, будто знал дорогу. На время он пропал из виду, только писк зазвучал как будто громче и чаще.

Когда незнакомец появился вновь, писк уже смолк. Но стоило фрачному сумасшедшему поравняться со столом Джен, пронзительное «пип», «пип», «пип» раздалось опять. Молодой человек с интересом взглянул на Джен, а в следующий миг выкинул фокус: наклонился и поцеловал в губы. Будь на месте незнакомца кто-то другой, он бы уже лежал на полу с дыркой в черепе. Но, вместо того чтобы рассердиться, Джен оторопела. А юноша, до того мило улыбавшийся, вдруг помрачнел. Сел рядом с Джен, положил цилиндр на колени и со скукой начал рассматривать посетителей.

– Джен, – представилась Джен. – Обычно я знакомлюсь перед тем, как начать целоваться, – сказала она, стараясь, чтобы вышло грозно, однако голос подвел: вместо праведного гнева – недоумение и растерянность.

Джен не понимала, почему этот парень до сих пор жив.

Молодой человек к замечанию остался глух. Взгляд его переходил от столика к столику, а на лице застыло задумчивое выражение. Негодование Джен сменилось злостью, злость переросла в любопытство.

– Я к тебе обращаюсь. Последний раз по-хорошему спрашиваю.

Молодой человек удостоил ее вниманием.

– Не думаю, что вы опасны для меня. А жаль.

И улыбнулся.

Джен думала, как поступить. Бить незнакомца она не хотела, но знать ему об этом было нельзя.

– Вот как?

Джен вытащила из кармана внушительных размеров гаечный ключ. Чуть прищурилась, наклонилась вперед и произнесла спокойным, ласковым голосом, что действовал на приставучих поклонников лучше удара по голове:

– А ты в этом уверен, дорогуша?

– Абсолютно.

Юноша вновь улыбнулся, но эта улыбка понравилась Джен еще меньше первой. Что-то за ней скрывалось. Джен решила: день, когда уголки ее губ так же будут ползти вверх, а в глазах поселится сумасшедший блеск и безмерная тоска одновременно, станет худшим в жизни. Молодой человек продолжил изучать посетителей, потеряв к Джен всякий интерес.

– Кто ты, кот тебя деря, такой?! – не выдержала она.

– Я приехал на Турнир Самоубийц, – соизволил ответить противный мальчишка.

– Ты из тех полоумных туристов, что обожают поглазеть на чужую смерть? Жаль тебя расстраивать, но Турнира не будет.

– Я из тех полоумных, что приехали поучаствовать, – молодой человек помахал рукой с биркой.

Джен потеряла дар речи.

– Признайся, ты тролль? – наконец спросила она.

– Разве я похож на тролля? – неподдельно удивился тип.

– Еще как.

– Я читал про них. Тролли огромны, покрыты зеленой кожей и едят людей.

– Большой чуши в жизни не слышала.

– Даю вам честное слово, мисс, что не имею к этим тварям никакого отношения, – заверил молодой человек.

– Ну еще бы, – фыркнула Джен.

Юноша устало вздохнул. Улыбка исчезла, видно, понял, что его раскусили.

– Давайте сыграем в игру, – вдруг оживился юноша. – Вы укажете на самого свирепого парня в баре, а я разобью бутылку об его голову. Идет?

Джен задумалась: если это шутка, то в чем соль? Незнакомец договорился с кем-то из посетителей? Но как странный тип может знать, кого она выберет? Джен огляделась.

Бар был наглядным пособием по теории естественного отбора. Каждый, кто занимал столик или место у стойки, имел на то право, подкрепленное парой-тройкой проломленных черепов, вспоротых животов или перерезанных глоток. Джен могла указать на любого посетителя, но парня вдруг стало жаль. Может, выбрать кого-нибудь, кто не убьет его? А лишь изобьет до полусмерти?

Кандидатуру Огдена Джен отмела сразу: слишком жестоко. С Огденом боялись связываться все. Даже ненормальные грэмы ни разу не сделали ему замечания и сквозь пальцы смотрели на то, как Огден сыплет словечками вроде «ихний», «ехай», «ОМК» и пишет «ябкупил» в одно слово.

Джен насчитала двадцать человек, способных шутя отправить юношу на тот свет. И еще парочку, что была в состоянии отправить туда же первую двадцатку. В одиночку.

Она никак не могла решить, кто меньше покалечит парня с петлей на шее, когда заметила, что тот вновь улыбается. Все-таки тролль.

– Этот, – Джен ткнула пальцем в Огдена.

Юноша поднялся из-за стола, улыбнулся чуть шире, напялил дурацкий цилиндр и вдруг подался вперед. Джен вздрогнула, решив, что молодой человек хочет поцеловать ее перед смертью. Но юноша лишь сказал:

– Прошу прощения, я не представился. Меня зовут Ульрик Вайтфокс.

И зашагал навстречу неминуемой гибели.

* * *

Джен с ужасом смотрела, как Ульрик пытается покончить с собой, потянув Огдена за рукав. То, что молодого человека зовут Ульрик, Джен узнала пару секунд назад, но вряд ли ей стоило запоминать это имя. Еще немного, и Ульрик – труп. Зачем она выбрала Огдена?!

* * *

Огден выглядел подобно промежуточному эволюционному звену между снежным человеком и скалой средних размеров. С той разницей, что он был страшнее первого и тяжелее последней. Вот он сфокусировал взгляд на Ульрике и что-то пророкотал. От голоса Огдена многие вздрогнули и поежились. На Ульрика же рык человека-горы не произвел должного впечатления, наоборот, он улыбнулся шире прежнего и гневно спросил:

– Как ты меня назвал?!

Затем поставил рядом с Огденом табурет, шагнул к барной стойке и заказал бутылку «чего-нибудь покрепче».

– Джин, ром, виски? – предложил бармен.

– На ваш вкус.

– Вы участник Турнира Самоубийц? – Бармен указал на бирку. – Тогда выпивка за счет заведения.

– Большое спасибо, – поблагодарил Ульрик, схватил бутылку и забрался на табурет.

Джен закрыла глаза. Бутылка со звоном разлетелась на сотню осколков, встретив на пути нечто очень-очень твердое.

Например, средних размеров скалу.

Некоторое время стояла оглушительная тишина, какой не было со дня открытия бара.

Тишина бывает предрассветной и сонной, когда новый день готовится обрушиться на город поток, сотканный из шума моторов авто, щебета птиц, воя ветра, стука дождевых капель по крышам и мостовым, людского многоголосья... Так вот – это была не она.

Тишина, что встречает путника в лесу, маняще громкая, полная комариного писка, стрекота цикад, треска сухих веток под ногами, тоже на нее не походила ни капли.

Это была тишина, что наступала после неудачной шутки, произнесенной в обществе малознакомых людей. С той разницей, что она была во много, много раз хуже. Эта тишина относилась к разряду гнетущей... беззвучных и имела наглость обосноваться в месте, где тихо быть не должно никогда. Слушать ее с каждой секундой было все неприятнее.

Раздался жуткий грохот, и Джен храбро открыла один глаз. Огден куда-то пропал, тогда как Ульрик – целый и невредимый – слезал с табурета. В правой руке молодой человек сжимал горлышко разбитой бутылки. Джен открыла второй глаз, повертела головой и поняла, что Огден, убегая, выломал входную дверь.

Ульрик попросил у бармена кофе. Получив желаемое, с сомнением уставился в чашку. Ни один посетитель не проронил ни слова, и только странный писк осмелился нарушить гробовую тишину.

* * *

Ей бы ни за что не отыскать молодого человека в лабиринте тесных улочек, но он нашелся сам: Джен услышала знакомый голос в сквере за ломбардом. Ульрик как ни в чем не бывало болтал с огромным зеркалом. В темной раме и на трех ножках, оно было в добрый человеческий рост, а от стекла исходило серебристое сияние. Поверхность зеркала время от времени туманилась, и по нему шла странная рябь, как по воде. Но не это было самым удивительным: в чудо-зеркале вместо Ульрика отражалась какая-то дама. Она кричала на юношу почему зря, а он лишь оправдывался, пряча улыбку за фальшивым покашливанием.

Слышался надрывный писк.

Из-под земли вырос красный почтовый ящик на ножке; сквозь щель для писем один за другим выскочили пять или шесть конвертов и стукнули молодого человека в грудь. «Зеркало» несколько раз мигнуло и пропало. Исчез и ящик, только письма остались лежать на талом снегу. Ульрик улыбнулся чуть шире, довольный разговором.

Писк смолк.

– Кто это был? – напустилась Джен на Ульрика. – Твоя невеста? А почему она кричала? Только не надо закатывать глаза, это не я вырядилась во фрак! Ты со свадьбы сбежал? Или с похорон? Кто ты, кот тебя дерит?! И что это за штука все время пищит?!

– Это неприятностиметр. – Ульрик вытащил из кармана жилетки плоскую коробку размером с ладонь. – Вот, взгляните.

Джен повертела увесистый «неприятностиметр» в руках. Выглядел он совершенно обыкновенно: ни циферблата, ни кнопок, ни колесиков завода – ничего. Только гладкая белая поверхность.

– Не бойтесь, вы не сумеете его сломать, даже если захотите – это невозможно, – ободрил Ульрик. – Он побывал в желудке марлофа, но смотрите – все равно как новенький.

– Что?!

– Чертова рептилия ухитрилась сожрать неприятностиметр, – охотно пояснил Ульрик. – Сначала попыталась разгрызть, а когда не вышло, проглотила целиком.

Джен отшвырнула неприятностиметр, будто нелепая штуковина обожгла ей пальцы.

– Он реагирует на опасность, – сказал Ульрик, подбирая устройство. – Если владельцу что-то или кто-то угрожает, неприятностиметр пищит. Чем сильнее опасность – тем громче писк.

– Неплохо. Но лучше б он предупреждал молча.

– О, вовсе нет, прибор не должен беречь хозяина от опасности, – улыбнулся Ульрик.

– А для чего он тогда нужен?

– Чтобы найти неприятности.

– Ты серьезно? – нахмурилась Джен.

– Еще как. Страховые агенты меня ненавидят.

– Страховые агенты?

– Эти люди платят, если с тобой случилась беда.

– В Блэткоче они бы не процветали, – задумчиво сказала Джен. – Знаешь, кое-где по нашему городу измеряют уровень благополучия. Чем дальше вы живете от Блэткоча – тем лучше.

– Поверьте, – я знаю, – ответил молодой человек и вновь улыбнулся.

– Так кто же ты? И кем работаешь?

– Я, э-э-э, бухгалтер. Да. Именно.

Неприятностиметр в кармане Ульрика дважды пискнул. Как показалось Джен – иронично. Молодой человек залился краской.

Джен осмотрела помятый фрак, цилиндр и висельную петлю на шее.

– Не похож ты на бухгалтера, – заключила она.

– Да? Чего это вдруг?

– Очень плохо врешь.

– А ты кем работаешь? – спросил Ульрик.

– А я не работаю. Я – королева Виктория. Вот – это на самом деле не гаечный ключ, а скипетр.

Неприятностиметр предупредительно пискнул, но было поздно: Джен успела стукнуть Ульрика ключом в живот.

– Ай! За что?!

– За вранье. Идем, поможешь ящик с инструментами таскать. Бухгалтер.

* * *

Джен была электриком и следила за исправностью уличных фонарей. По иронии судьбы она жила на улице Светлая, где не имелось ни одного фонаря. Ирония судьбы была частой гостьей в Блэткоче, равно как и ее спутники: Сарказм фортуны, Насмешка случая и Сказочный крах, – который был сам по себе и приходил, когда вздумается.

Городские власти искренне верили: вместо того чтобы ремонтировать дороги, разбираться с преступностью и приводить в порядок дома, достаточно назвать улицу Приятная или Красивая и дела сразу пойдут на лад. Стоит ли говорить, что лучше вам не оказываться в заведении «Дешево и вкусно», не купаться в пруду Кристально чистый и даже близко не подходить к переулку Гостеприимный?

Засыпая, Джен подумала об Ульрике: «Странный парень. Есть в нем что-то...» В большинстве случаев, когда вы имеете дело со странно одетыми и странно говорящими личностями, это «что-то» именуется «психическим расстройством». Но Джен не считала, будто Ульрик болен по-настоящему и взаправду нуждается в услугах психиатра. К слову, в Блэткоче эта помощь сводилась к следующему: больного связывали и начинали показывать картинки с кляксами до тех пор, пока он не выздоравливал.

Ульрик лишь немного ненормальный. Как и все люди вокруг.

Утром Джен обнаружила расклеенные по городу плакаты:

Разыскивается!

Вознаграждение гарантировано.

На портретах был изображен Ульрик собственной персоной. В помятом фраке и с петлей на шее, он скромно улыбался с каждого столба и забора. Джен сняла плакат и повесила над кроватью в спальне. На память.

...Она поставила плафон на место, и фонарь погас. Тогда Джен легонько стукнула по стеклу гаечным ключом. Свет мигнул и вспыхнул. Ульрик стоял на тротуаре, легко удерживая тяжеленный ящик с инструментами одной рукой. Джен спрыгнула на землю и отцепила кошки. На свет прилетела пара мотыльков. Они бились о стекло фонаря, желая попасть внутрь. В небе, будто соревнуясь со светом фонарей, ярко сияли звезды.

Ульрик больше не улыбался, и только дурацкий неприятностиметр время от времени пищал, когда их руки невзначай соприкасались, предупреждая о неизвестной опасности.

* * *

Джен налила себе чаю и взялась за номер еженедельной газеты «Время Блэткоча». Напротив, сонно зевая, сосредоточенно ковырял в носу брат – Питер.

Для большинства жителей существование газеты было загадкой. И вовсе не потому, что обитатели Столицы Метеоритов не любили читать. Они попросту не умели этого делать. А тот, кто мог, пренебрегал навыком по причине, как-то связанной с индивидуальной непереносимостью литературных произведений, в которых больше трех строчек текста, и считал вершиной писательского мастерства поздравления с Днем рождения, Котовством, а выше всего ценил умение придумать к картинке удачную подпись.

В городке вроде Блэткоча определенно не должно быть газеты – где типография, где штат сотрудников, откуда взять на все это средства? Потому, вне всяких сомнений, газеты в Столице Метеоритов не имелось и иметься не могло. Если не обращать внимания на тот факт, что каждую пятницу свежий номер «Времени Блэткоча» неизменно появлялся в продаже.

«Я родился и вырос в Готтлибе», – вдруг вспомнила Джен слова Ульрика.

В окрестностях Столицы Метеоритов лучше всего росла ромашка лугоцветная. Именно росла, цвести ромашка отказывалась наотрез и отчаянно тратила все ресурсы на то, чтобы подняться над землей как можно выше, в попытке увеличить хоть на пару сантиметров расстояние, что отделяло ее соцветие от Блэткоча.

Первым делом Джен изучила некрологи. Она очень боялась наткнуться на строчку вроде: *«Тело одетого во фрак юноши было обнаружено у ...»*, но обошлось. В колонке *«Происшествия»* сообщение о без вести пропавшем мужчине с Веселой. Рядом размытая фотография Механического Человека. Требовалась изрядная фантазия, чтобы среди теней и переплетения веток разглядеть сутулую долговязую фигуру с длиннющими руками.

Джен поморщилась, увидев репортаж с ежегодного праздника в честь падения метеорита. Конечно, говорить всем, будто Блэткоч – Столица Метеоритов, не так уж плохо, но вот утверждать, что так было всегда, пожалуй, слишком. Черное пятно грязи на флаге у мэрии люди теперь называли метеоритом, символом города. И клялись, что так было С Незапамятных Времен.

Жителей Блэткоча можно понять: у них наконец-то появился законный повод для гордости. Обычно Блэткоч не баловал горожан такими поводами. Достопримечательностей никаких, Блуждающая Башня разве что. В сравнении с остальными городами, такими как Берсмут, Довач или Глинберри, Блэткоч откровенно проигрывал. Зато теперь, стоит какому-нибудь заносчивому жителю Вильтауна заикнуться о качественной медицинской помощи, высоких зарплатах или стометровой бесполезной груде металлолома, на фоне которой все фотографируются, можно будет гордо воскликнуть:

– А на Блэткоч упал метеорит!

Соседи вмиг побелеют от зависти и начнут кусать локти в приступе отчаяния, моля небеса о цунами или хотя бы о паршивеньком землетрясении.

Медицинская помощь, ха! В Блэткоче практиковался один вид медицинской помощи: больного милосердно добивали, отчего некоторые предпочитали не болеть никогда. А еще, благодаря метеориту, теперь было на что списывать разбитые окна, дома-развалюхи, ямы на дорогах, преступность и грязь на улицах. Если посмотреть на Блэткоч с высоты птичьего полета, можно было лично удостовериться в том, как давно и как часто на город падали метеориты.

К слову, сверху Блэткоч не напоминал ни муравейник, ни осиное гнездо. Блэткоч, хвала котам, оставался единственным и неповторимым в своем роде. Второго такого города Вселенная не выдержала бы. Тем немногим, с чем можно сравнить Столицу Метеоритов, было чувство жесточайшего похмелья у человека, одержимого морской болезнью, плывущего на корабле в

шторм. Иными словами, метеорит следовало считать подарком небес в прямом и переносном смыслах.

Как и Ульрика.

Он был еще тем подарочком.

Джен перевернула страницу, ожидая увидеть репортаж с празднования Всемирного дня метеоритов или чего-нибудь в том же духе, и помрачнела. В глаза бросился заголовок, набранный, наверное, самым большим шрифтом, какой только имелся в типографии:

ТУРНИР САМОУБИЙЦ СОСТОИТСЯ

И под ним:

Возрождение старой доброй традиции в Столице Метеоритов.

Интервью с единственным участником читайте на стр. 3.

На «стр. 3» Ульрик доверчиво улыбался читателям, поправляя узел висельной петли, что заменяла ему галстук. Джен отложила «Время Блэткоча» с тяжелым сердцем. Выходит, некролог все же был. Вернее – его анонс.

* * *

– Кто это? – спросила фигура № 1.

Балахон был беспросветно черным, капюшон надет таким образом, чтобы тень полностью скрывала лицо, но это без сомнения была фигура № 1. А еще она была в ярости.

На столе перед грэмами лежал свежий выпуск «Времени Блэткоча». С третьей полосы беззаботно глядел молодой человек в цилиндре и фраке.

– Ульрик, – ответила фигура № 2, она же Седвик.

– Что ему нужно?

– По-моему, он хочет умереть.

Седвик, он же фигура № 2, всем своим видом демонстрировал спокойствие. Если бы спокойствие носило черный балахон с капюшоном, оно бы выглядело в точности, как Седвик.

– Он портит репутацию города. Это негативно отразится на контактах с туристами.

– А именно?

– Они нагрянут сюда!

– На улицах день и ночь трубят про метеорит. Туристы все равно придут рано или поздно.

– Он ведь даже не упал! Просто взорвался. И только!

– Им этого достаточно, – снисходительно пожал плечами Седвик. – Они же туристы.

– Так что нам делать с Ульриком? Кто он такой? Зачем ему участвовать в Турнире?

– Думаю, книга у него, сэр. Пока не уверен, но все может быть, – спешно добавил Седвик, когда брови фигуры № 1 изумленно поползли вверх. Чтобы заметить это, требовался недюжинный опыт, и Седвик им обладал. По части тайных обществ он был мастером. Замысловатые рукопожатия, подмигивания, секретные словечки и все такое. А самое сложное в деятельности члена любого тайного общества – это наловчиться, не снимая балахона, ходить в туалет. – Или он знает, у кого она. Иначе зачем ему участвовать в Турнире?

– Логично.

– Как выясним, где Ульрик прячет книгу, сразу прикончим его.

– Если не опередят местные. Я слышал, кое-где измеряют уровень благополучия таким образом, – хихикнула фигура № 1. – Чем дальше вы живете от Блэткоча...

– ...тем лучше. Я знаю, – терпеливо произнес Седвик. – Все знают.

* * *

N раскрыл «Время Блэткоча» и не поверил глазам. Турнир Самоубийц состоится?! N отлично знал, что это за «турнир», и даже успел побывать на одном много лет назад. В качестве зрителя, разумеется. Даже бесстрашные жители Блэткоча были бесстрашны не настолько, чтобы участвовать в Турнире Самоубийц. Но всегда были рады посмотреть, как умрет кто-нибудь другой.

Единственный участник отчего-то казался знакомым. Где-то N видел эту улыбочку. Ну да, конечно! Немногие всюду расхаживают во фраках. Он ведь повесил надменного юнца. Как тому удалось спастись? И что у него на шее? Удавка?!

N вздернул сопляка на виселице, но этого оказалось недостаточно, чтобы он оставил город в покое. Зачем Ульрику участвовать в Турнире? На кого он работает? На грэмов? Что опять задумали проклятые фанатики? Вечно лезут куда не просят.

...Человек пришел со стороны кладбища. Элегантный фрак, без единого пятнышка или складки, безупречно начищенные лакированные туфли, шелковый цилиндр. Он что-то вез на тележке, прикрыв черной тканью. Колеса скрипели, оставляя на снежной корке жирные отметины.

Как выяснилось позже, звали его Ульрик.

N проследил за молодым человеком с помощью Бесси. Ульрик миновал старую виселицу, остановился и сбросил накидку. Под ней оказалась клетка, в ней сидел волк: около метра в холке, с шерстью, отливающей сталью, и фосфорно-желтыми глазами. Сбоку на клетке висел блеклый вымпел цирка «Престо». Ульрик провел ладонью по прутьям, и волк оскалил зубы. Молодой человек чему-то улыбнулся.

Ульрик открыл замок и проворно забрался на клетку. Дверца распахнулась. Волк пружинисто спрыгнул на землю, втянул носом воздух, оскалил зубы. И бросился прочь. Юноша проводил зверя растерянным взглядом. Он даже обернулся, пытаясь понять, что так испугало волка, но за спиной был только лес.

Послышался странный писк.

...Шагая по ледяной корке, как по тротуару, Ульрик выбрался на прогалину, где обнаружил капкан на Механического Человека. Детская коляска с ребенком-куклой служила приманкой. Писк сделался нестерпимо громким. Ульрик осмотрел ржавые зубья капкана, что выглядывали из-под талого снега, снова чему-то улыбаясь.

Чуть дальше замерла девочка в линиялом ситцевом платье. Она стояла, закрыв лицо ладонями. Ульрик окликнул малютку, но ответа, разумеется, не получил. Тогда он опустился на корточки, убрал ветки, и перед ним разверзлась волчья яма с кольями на дне. Новая ловушка отчего-то развеселила юношу еще больше, так что мерзкая улыбка засияла в пол-лица.

Ульрик осторожно тронул девочку за плечо. Руки безвольно повисли вдоль тела, открыв нарисованное цветными мелками лицо. Ярко-синие глаза бессмысленно тарасились в пустоту.

В лесу были еще люди. Они стояли поодаль, замерев в неестественных позах. У некоторых недоставало руки или головы. Ульрик бросил в ближайшего ветку, и притаившаяся в снегу железная пасть вмиг ожила. Лязгнули зубы, по лесу прокатилось звонкое эхо. Стая ворон с громким карканьем сорвалась с места и бестолково закружила над кронами почерневших деревьев.

«Вероятно, парень сыщик, отряженный в Блэткоч расследовать дело о Механическом Человеке и таинственных исчезновениях, – подумал N. – Следует отдать должное, у него хороший вкус в одежде. Для законника. Любого, кто отважится пройтись по улицам Блэткоча в подобном наряде, ждут одни беды. Там убивали людей и за меньшие проступки».

Может, оказать парню услугу – вздернуть на старой виселице и дело с концом? Пожалуй, неплохая идея. И обставить все легче легкого. Что может пойти не так?

* * *

Дневник Нейтана.

«Сегодня произошло чудо! Грянул гром, огонь залил полнеба – то взорвалась Звезда, знаменья пришествие Великого и Несокрушимого воина! Он расивырывал врагов и спасал невинных, все как в книжках! Вот только одежда воина была странной: фрак, цилиндр, а на шее петля вместо галстука.

И еще он много улыбался».

* * *

«Вестник Готтлиба», номер от 30 июля 241 года по н. с.

ЛОТОМАТОНЫ ОШИБАЮТСЯ?

Беспрецедентный случай произошел неделю назад. Молодой человек, одетый ни много ни мало во фрак, выполнил несколько фигур высшего пилотажа на самодельном летательном аппарате. Заложил вираж над городом, после чего совершил аварийную посадку на крыше мэрии. Удивителен здесь не тот факт, что юноша уцелел (и даже успел скрыться!). Как выяснилось, он носит печать брайана, но выполненная им «мертвая петля» и пролет под мостом указывают на то, что из молодого человека вышел бы неплохой пилот.

Владелец угнанного аппарата, инженер Грэгори Липс, пообещал награду любому, кто поможет найти смельчака. И вовсе не для того, чтобы передать в руки полиции. Мистер Липс поражен, как он выразился: «Что эта штука способна летать», и хочет узнать, «как парню удалось поднять ее в воздух и заставить вытворять немислимые трюки». Все ассистенты-добровольцы, что отважились испытать машину, разбились насмерть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой речь пойдет о троллях

С импровизацией было покончено, настало время действовать наверняка. Различными мелкими правонарушениями Ульрик добился лишь того, что им заинтересовалась местная полиция. Нужно поднимать ставки.

Ульрик решил выяснить о городе побольше, чтобы влипнуть в такие неприятности, что даже Белинде станет его жаль.

Прихватив коробку шоколадных конфет, он отправился в гости к единственному человеку, который мог ему в этом помочь.

К Джен.

Ульрик остановился в гостинице «У кратера». Он хотел снять скромный номер с неплохим видом на город, но, учитывая особенности Блэткоча, окна лучше было заколотить вовсе: «неплохой вид» отсутствовал здесь как класс. Вид – это что-то конкретное, упорядоченное, систематичное. Некое понятие, подпадающее под определенные характеристики. Блэткоч ни под какие характеристики не подпадал. Он промахивался мимо таких замечательных определений, как «милый», «забавный», «пасторальный», и уж тем более «живописный».

Блэткоч.

Этот город ненавидел туристов. Они отвечали ему взаимностью.

Любую напасть жители Блэткоча встречали с флегматичностью улитки, ползущей по нагретому солнцем рельсу навстречу товарняку в мрачной уверенности, что тот свернет первым.

Оттого Ульрику так понравилась Джен. Она казалась совершенно нормальной. И это немного пугало.

Ульрика обогнал, обдав клубами вонючего дыма, человек в ванне. Это была самая обычная чугунная ванна, только на колесиках, с железной печью и трубой, из которой валил дым. Водитель – в шлеме и крагах – вертел позаимствованный у велосипеда руль, а пассажир подбрасывал в топку уголь. Следом проехал мотоциклет желтого цвета с черными шашечками. За ним волочился прицеп в виде старого дивана, на котором уютно расположилась семья из пяти человек.

Неприятностиметр было пискнул, но тут же обиженно замолчал.

Ульрик проследовал по мощеной дорожке к знакомой зеленой двери. Всюду из-под снега выглядывали ржавые детали непонятного назначения, а рядом с сараем покоился на столбиках из кирпичей автомобиль без колес. По двору, ковыряясь в мерзлой земле, расхаживали куры.

У двери висела механическая песня ветра из начищенных до блеска медных шестеренок и стержней.

Ульрик позвонил, но ответа так и не дождался. Он собирался уходить, когда услышал громкий стук. Толкнув низенькую калитку, Ульрик оказался в огороде.

Джен чинила покосившийся забор, ловко орудуя молотком. При виде Ульрика стая сидевших на парнике ворон взлетела, ошалело хлопая крыльями – наверное, приняла его за пугало. Одетый в цилиндр и фрак Ульрик смотрелся на огороде как нельзя к месту.

Они поболтали минут пять. Ульрик рассказал, что остановился в гостинице «У кратера», сделал, почти не покраснев, пару комплиментов городу и уже хотел было как можно невиннее осведомиться о местных обычаях, когда неприятностиметр дал знать о себе писклявым криком.

Ульрик оглянулся и увидел джентльмена в рединготе и котелке, что осторожно пробирался между заваленных снегом грядок.

– Инспектор Департамента профпригодности Верджил Пайс, – представился мужчина. – Прибыл в Блэткоч, чтобы лично оценить ваши... способности.

– Как вы меня нашли? – спросил раздосадованный Ульрик.

Вместо ответа инспектор указал на крышу соседнего дома, где расположился телетранслятор.

Похоже, Белинда времени зря не теряла.

– Скажу сразу, негласно понаблюдав за вами, я склонен встать на сторону мисс Пет. Попробуйте меня переубедить.

Ульрик спорить не стал. События последних дней были настолько невероятными, что он сам сомневался в их подлинности.

Телетранслятор перебрался поближе. Из него, скучая, смотрели два джентльмена холерной наружности.

– Можете приступать, – инспектор вытащил карандаш и блокнот.

– Где, здесь?

Ульрик выразительно обвел рукой заснеженные грядки.

– Вы ведь профессионал. Поразите меня.

Вороны вернулись, расселись на покосившемся заборе и с любопытством разглядывали гостей черными глазами-бусинками.

– Кхм, – откашлялась Джен, про которую все будто забыли. – Кто все эти люди, и что им понадобилось на моем огороде?

Не придумав ничего лучше, Ульрик поднял руку с коробкой конфет и добавил:

– Э-э-э...

Взгляд Джен немного смягчился. Откинув волосы со лба, она сунула молоток в карман комбинезона и натянуто улыбнулась:

– Прошу в дом.

Верджил принял приглашение на свой счет и увязался следом. Джен сердито покосилась на инспектора, но ничего не сказала.

Они вошли через заднюю дверь и оказались в кухне. На стенах было тесно от сковородок и разделочных досок, а в углу примостилась огромная печь. Джен достала из серванта три кружки. Одну, с щербатым краем, взяла себе. Пока закипал чайник, Ульрик тоскливо размышлял, как быть дальше. Инспектор не написал еще ни строчки, сидел себе, держа блокнот открытым на первой странице. В дверном проеме застыл телетранслятор. По голубоватой поверхности экрана время от времени пробегали полосы помех.

– Чай или кофе? – нарушила тишину Джен.

Ульрик решил больше не рисковать и попросил чай. Инспектор его примеру не последовал и теперь задумчиво глядел в чашку, до краев наполненную «Блэткочским нерастворимым».

– Ну-с, я жду, – сказал инспектор, пристально уставясь на Ульрика.

Тот неловко взял поданную Джен кружку и опрокинул чай на себя, безвозвратно загубив рубашку и жилет. Инспектор нахмурился.

– Это все? – спросил он.

– Чай был горячим, и я обжегся. Запишите это.

– Не впечатляет. Я буду вынужден...

Хватаясь за соломинку, Ульрик бросил в рот конфету. Скопил глаза к переносице и разрился приступом мучительного кашля. Инспектор зевнул, разглядывая аккуратно подпиленные кончики ногтей.

Входя в роль, Ульрик, словно в поисках опоры, навалился на стол, перевернул его, отшатнулся, всплеснул руками, врезался в шкаф. Тот немного покачался, словно в раздумьях, и рухнул, задев люстру.

Неприятностиметр одобрительно пискнул.

Лежа на полу, в осколках стекла, Ульрик мысленно себя похвалил. Кое-чему он выучился. Жаль, люстра не упала.

– Что, кот тебя дери, тут происходит? – холодно поинтересовалась Джен сверху.
– Это все шоколад, – слабым голосом сказал Ульрик. – Кажется, я подавился.
– Шоколад тут ни при чем, – инспектор захлопнул блокнот. – У меня не осталось сомнений. Вы паршивый актер. В ближайшее же время я...

Люстра все-таки упала. Протестуяще мигнув, она подмяла инспектора вместе с блокнотом. На парочку в телетрансляторе это, кажется, произвело впечатление: вспыхнув на прощание, экран исчез. Ульрик тотчас вскочил и кинулся к выходу, чтобы составить отчет раньше контуженого Верджила и его коллег. О Джен он даже не вспомнил.

* * *

Следующим утром Ульрик отправился на работу, снедаемый мрачными мыслями.

Пора подвести итог.

Он был жив. Что не могло не радовать. С другой стороны, в этом состоянии он пребывал не где-нибудь, а в Блэткоче, единственном городе во Вселенной, где мертвым быть гораздо предпочтительнее. Прежде всего потому, что мертвые не ощущают запахов, да и прочие органы чувств работают у них так себе. А отсутствие обоняния, осязания и зрения делало нахождение в Блэткоче вполне приемлемым.

Поднаторев в здешней топонимике, Ульрик начал как можно невиннее прогуливаться по улице Безопасная.

Поначалу все шло неплохо.

Таинственная личность в коричневом дафлките с капюшоном и утыканной гвоздями крикетной битой в руке направилась было к Ульрику, но тут каланча в серой трилби саданул любителя крикета дубиной по затылку. В двух шагах от Ульрика новенького самым бесцеремонным образом остановили ударом кастета в ухо.

Неприятностиметр саркастично промолчал.

Однажды Ульрику довелось видеть на картинке пищевую цепочку: одна рыбка пожирала другую, та в свою очередь становилась обедом для третьей, более крупной рыбыны, а ее глотала еще одна. В то время как червяк на крючке наслаждался ванной с проточной водой.

На мостовую легла длинная тень, и Ульрик обернулся. Позади стояла башня с часами без стрелок. В клюве каменной химеры скрипуче раскачивался фонарь. Занавеска на окне шевельнулась, и внутри мелькнуло белое пятно. *Безопасная, 404* – значилось на медной табличке при входе.

Ульрик с надеждой глядел на последнего бандита в кальсонах, клетчатой жилетке и шляпе-канотье. Тому выпало сойтись в схватке с двумя хорошо вооруженными конкурентами, и теперь он еле держался на ногах. Весь избитый и изрезанный, модник с трудом сделал пару шагов, после чего упал навзничь.

Видимо, Ульрик хотел от жизни слишком многого.

Из-за угла вынырнул полицейский патруль. Взорам блюстителей закона предстали пятеро изувеченных блэткочцев, что лежали вповалку посреди улицы. Над побоищем, изо всех сил стараясь не улыбаться, возвышался Ульрик.

Полицейские замерли. Безусловно, им было предписано задержать вероятного убийцу, но множество бездыханных тел недвусмысленно намекало, что подобные действия ни к чему хорошему не приведут.

– Портрет этого парня с самого утра висит на доске объявлений, – прошептал патрульный – худой и длинный как жердь. – Какой отсюда вывод?

– Он преступник, – ответил невысокий, напоминавший хорька полицейский, в не по размеру подобранной форме.

– Не просто преступник, Фейлор. Особо опасный преступник, – говоривший наставительно воздел палец.

– И что будем делать? Арестуем его? Ха-ха, шутка! Нет, правда, я несерьезно. Вот умора, да?

Повисло неловкое молчание.

– А ведь ты до сих пор констебль, Фейлор.

– И ты тоже, Манахайм.

– Ты младший констебль.

– У меня жена. И дети, – пролепетал Фейлор.

– Я передам им привет.

Втянув голову в плечи, Фейлор отправился выполнять задание.

– Констебль?

– Да? – обернулся Фейлор.

– Подозреваемый в другой стороне.

– О. Благодарю за помощь.

Тень исчезла. Ульрик обернулся и увидел, что башня с химерой на фронтоне куда-то подевалась. Или ее не было вовсе?

Накрапывал мелкий дождь.

– Нельзя ли вас арестовать, сэр? – робко спросил Фейлор.

– Почему бы и нет? – с готовностью откликнулся Ульрик, которому тюрьма была куда милее увольнения.

Полицейский просиял.

– Наручники?

– Не думаю.

– Конечно, конечно, это уже перебор. А я-то – наручники. Ха-ха. Если не возражаете, проследуем в тюрьму.

Оказаться за решеткой Ульрику не довелось.

Есть такое выражение: «Туда, где нас ждут, мы всегда приходим вовремя». Ульрик был с ним не согласен. Он также подозревал, что подобное заблуждение частая причина многих увольнений. В любом случае пунктуальностью Ульрик не отличался. Он не был тем героем, который спасает всех в последнюю секунду.

Или тем, кто заявляется на венчание в церковь и успеваешь крикнуть: «Я против!» точно вовремя.

Ульрик был из тех, кто приходит, когда сыграна золотая свадьба, и долго пытается объяснить бывшей возлюбленной, кто он, черт возьми, такой.

Ульрик, без сомнения, был способен опоздать на собственные похороны.

Однако на площади близ полицейского участка он оказался как раз вовремя, чтобы стать свидетелем очередной кровавой расправы.

Четверо в остроносых ботинках и узких брюках с белыми, похожими на галуны полосками, окружили молодого человека – долговязого, в мятом костюме-тройке и кривой маске. На помощь юноше никто бросаться не спешил. Но это был не тот род преступного равнодушия, когда люди торопятся уйти в страхе за жизнь, сделав вид, будто не замечают беззакония, что творится под носом. Нет. О, нет! Люди не делали вид, будто ничего не замечают. Они все видели, и это, без сомнения, им нравилось.

А еще они хором выкрикивали:

– Бей его! Так ему! Еще разок! Вот молодцы!

Между похоронным бюро и магазинчиком уцененных товаров втиснулась похожая на сухопарую, чопорную гувернантку старинная башня с часами. Блестел под мелким дождем огромный циферблат без стрелок, спала вниз головой одинокая химера, закутавшись в кожи-

стые крылья. Табличка с номером дома извещала: *пл. Добрых дел, 404*. На крылечке с ажурными перилами плечом к плечу стояли двое в элегантных серых костюмах и в белых масках.

Где-то он подобную башню уже видел. На соседней улице, к примеру.

Ульрик остановился. Полицейские робко обступили его. Они всем видом желали показать, что конвоируют подозреваемого, и в то же время им до смерти не хотелось находиться с Ульриком в одном часовом поясе.

– Разве вам не нужно выяснить, в чем дело? – спросил Ульрик.

– А что, если он сам виноват? – предположил Фейлор, стараясь не встречаться с Ульриком взглядом.

Ульрик на всякий случай огляделся в поисках котов.

Котов не было.

– За что его так? – Ульрик тронул за рукав стоявшего рядом мужчину.

– Он тролль, – ответил мужчина, не оборачиваясь.

Ульрик присмотрелся внимательнее. Кожа у парня была не зеленой. И он не выглядел огромным. И не пытался никого съесть.

– Не очень-то похож.

– А по-моему, вылитый. Ты посмотри, во что он вырядился, – мужчина оглянулся, скользнул по Ульрику равнодушным взглядом. И отвернулся. А после обернулся опять.

– Э-э-э, – сказал мужчина.

Ульрик улыбался. Он не любил, когда людей убивают без суда и следствия. Это приводило его в бешенство. Особенно по такому смехотворному обвинению. Нашли тролля! У троллей зеленая кожа, они трехметрового роста и едят людей. Это все знают. Да и водятся эти чудища только в сказках.

Памятуя о давешнем представлении на площади, можно сказать, что парню больше бы повезло, будь он котом.

Коты.

– Я сейчас, – бросил Ульрик Фейлору.

На лице констебля застыло выражение крайней задумчивости. Он словно прикидывал, что ему больше нравится: лишиться работы или жизни. Пока Фейлор взвешивал все «за» и «против», Ульрик успел раствориться в толпе.

То, что ему требовалось, проще всего было раздобыть на ближайшей помойке. Поскольку Ульрик искал помойку в Блэткоче, да еще на пересечении улиц Чистая и Благоухающая, трудность была одна: какую выбрать.

На приготовления не ушло много времени. Не долго думая, Ульрик привязал к себе пять котов.

Когда он вернулся, то обнаружил, что между похоронным бюро и магазином уцененных товаров разбит чахлый садик. Башни с часами как не бывало. Ульрик огляделся, будто Башня могла сбежать на другую сторону улицы.

Ничего подобного.

Ульрик глянул налево, направо, но Башни и след простыл. Не могла же она ему привидеться?

На Ульрика начали обращать внимание. Ему это внимание напомнило сцену в баре. Примерно так же смотрит кружок гимназисток-первокурсниц на голого ректора.

– Привет, – Ульрик вежливо приподнял цилиндр и ослепительно улыбнулся.

Полицейские отвернулись, сделав вид, будто пришли не с ним. Ульрик направился к несчастному, что лежал без чувств на грязной мостовой.

* * *

Неприятностиметр разошелся не на шутку.

Ульрик шагал, стараясь выглядеть естественно и не улыбаться. В последний раз он слышал подобный писк, когда очутился в желудке гигантской акулы-людоеда.

Юноша в маске очнулся и попытался встать, но при виде спасителя рухнул обратно на мостовую. Наверное, от счастья.

Накрапывал дождь.

Сказать, что погода была омерзительной, значит, ничего не сказать. В желудке акулы Ульрик чувствовал себя гораздо уютнее. Да и пахло там не в пример лучше. Кто бы мог подумать, что он станет скучать по тому месту?

И вот он оказался в Блэткоче.

Единственном городе во Вселенной, где ностальгия по заваленному полупереваренными отбросами желудку огромной плотоядной рыбы кажется чем-то нормальным.

Едва завидев Ульрика и его спутника в маске, полицейские попятились.

– Эй, куда вы? – заволновался Ульрик.

– У нас, э-э-э, дела, – нашелся Фейлор.

– А как же я?! – возмутился Ульрик.

– В другой раз!

– Как-нибудь потом – обязательно!

– Еще увидимся!

– Всего хорошего и приятного дня!

* * *

Неприятностиметр беспрестанно пищал.

* * *

– Да как ты посмел привести сюда тролля?!

Джен выглядела по-настоящему рассерженной. Не придумав ничего лучше, Ульрик притащил невезучего парня к дому единственной знакомой, что, по счастью, жила совсем рядом. Кажется, ей это не понравилось.

– Тролля? – Ульрик огляделся в поисках кого-нибудь зеленого, подходящих размеров. – Здесь нет троллей.

– А это, по-твоему, кто? – Джен указала на юношу в маске.

– Но он не похож на тролля, я видел их много раз! На картинках. Они зеленые, едят людей, а при свете дня обращаются в камень!

– Ты отстал от жизни, друг мой. Поверь, это тролль, и очень толстый.

– А на мой взгляд, он нормального телосложения.

Джен мрачно уставилась на Ульрика.

От его внимания не укрылось то обстоятельство, что большинство вещей в доме было сделано руками хозяев. Включая коллекцию чучел. Видеть зверей, предположительно убитых родственниками Джен, Ульрику раньше не доводилось. Зато теперь он получил замечательную возможность восполнить этот пробел.

Одно походило на маленького розового бегемота. В широко раскрытых глазах застыло тупое изумление, будто зверь до сих пор не мог поверить в то, что мертв. Другое, желтое, с